

ГАЛИНА ДИЦМАН

Санний поезд

или

Три девицы под окном

МОСКВА 2006

ГАЛИНА ДИЦМАН

Саннѳй поезд

ИЛИ

Три девицы под окном

Посвящается

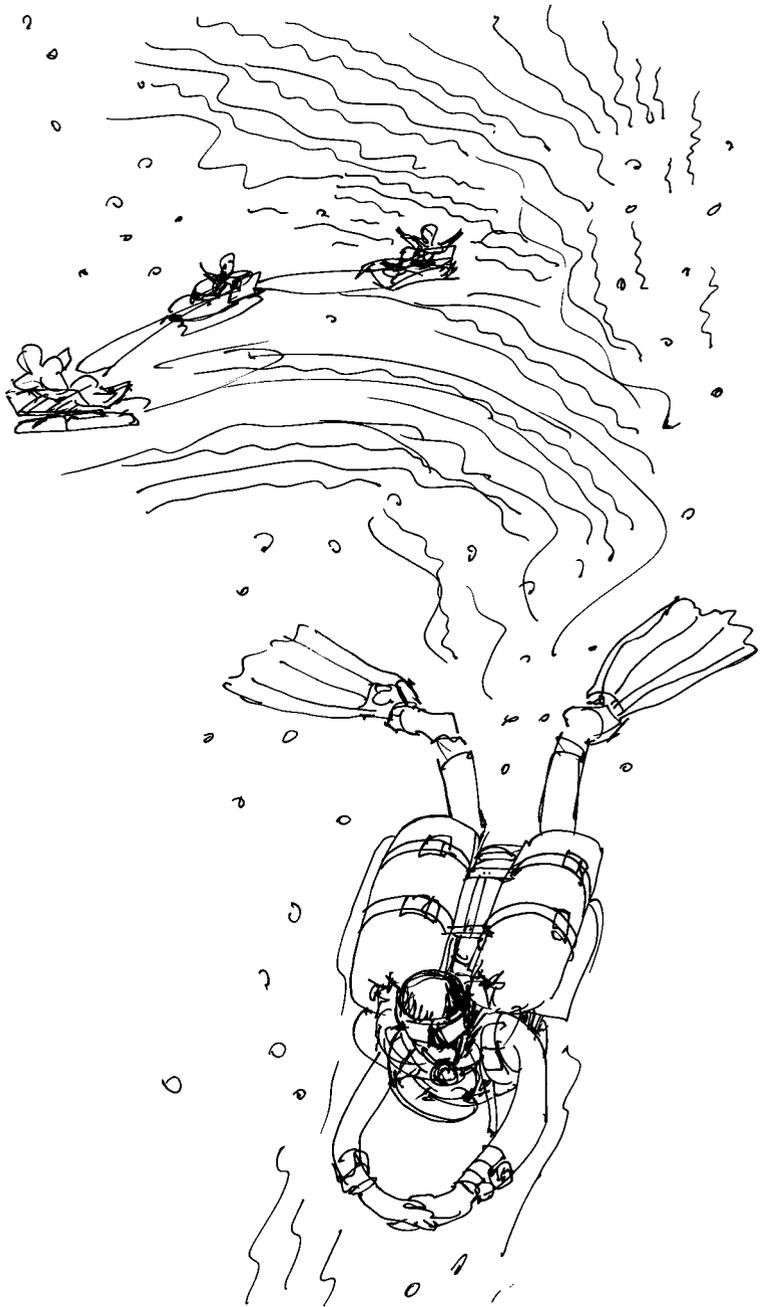
Ире Высоцкой и Лиде Любимовой

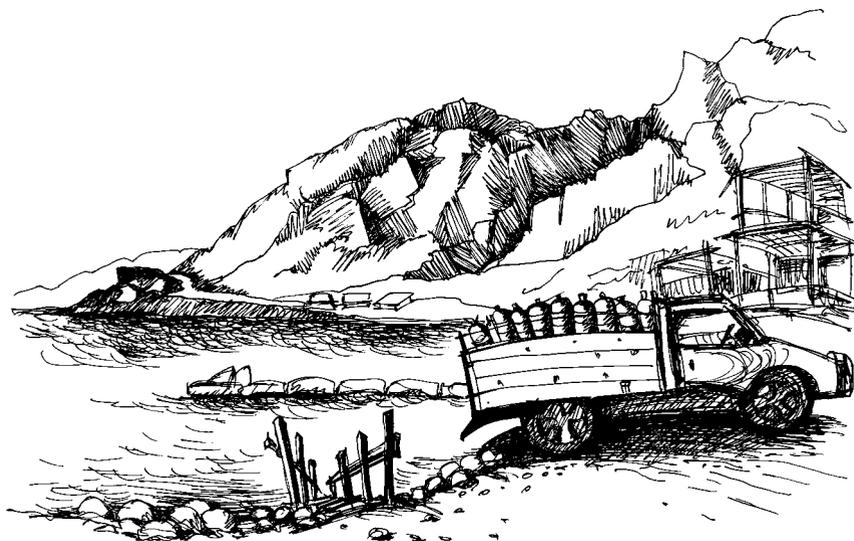
*Рекомендовано для чтения
только женщинам старше 40.*

*Мужчинам и нашим детям
читать категорически не рекомендуется*

Редактор И. Кузнецов
Корректор Е. Вилкова
Макет, иллюстрации, верстка Г. Дицман

2006 г.

ПРОЛОГ

Февраль 2006-го

Я начала нырять пять лет назад. Слишком поздно, чтобы добиться чего-то серьезного в экстремальном спорте, но как раз вовремя, чтобы узнать что-то новое о жизни и о себе. Когда на прибрежных камнях Дахаба я потеряла равновесие под спаркой* и сломала всего лишь ногу, то посчитала это везением. Потому что могла бы сломать шею и умереть сразу, а могла бы — позвоночник, и ждали бы меня двадцать лет паралича, а яду никто не нальет.

В результате у меня образовались девять дней, свободных от погружений, я впервые проводила их на пляже, с гипсом на продырявлен-

ном голеностопе, в тяжелых раздумьях о причинах моей самонадеянности и чужой подлости. Подлость вообще выглядит по-разному, но в экстремальных проявлениях всегда имеет вид кровавых пузырей. Команда — уже без меня — производила очередное погружение на тримиксе**. Исходя из профпринадлежности, мне выдали бумагу и фломастер, и я делала зарисовки: верблюды, джипы, баллоны, бедуины — экзотика, блин...

Дахаб — и культовое место для подводников всех народов, и одновременно стихийно выросший некрополь. Имена погибших на разных языках выбиты на табличках в углублениях скал. Короткие полуденные тени от табличек подчеркивали максималистскую черно-белую планиметрию Блю-Холла: двое, еще трое, один, один. Каждый из них однажды совершил ошибку в обманчиво прозрачной воде. Неужели их жизнь имеет большую значимость, чем, например, жизнь моих подружек Лидки и Ирки? И можно просто лечь в землю безымянным граммом культурного слоя — а можно сделать что-нибудь бессмысленное, но остаться в виде таблички на скале...

Я подумала, что мое сидение на камнях Блю-Холла со сломанной ногой — мягкое наказание за вовремя не изжитую детскую мечту: о доблестях, о подвигах, о славе... Мне однажды так захотелось дальних берегов и чужих морей — того, что хорошо в молодости и чем наша конкретная молодость уж никак не избаловала ни-

* Спарка — элемент снаряжения для технических погружений, состоящий из двух баллонов, соединенных между собой.

** Тримикс — воздушно-гелиевая смесь, в которой процентное соотношение кислорода, азота и гелия зависит от глубины погружения.

кого из нас. Говоря попросту, я в сорок лет спохватилась: жизнь пройдет, а вспомнить будет нечего... И давай со страшной скоростью наверстывать! А теперь выясняется — вот кого я буду вспоминать! Ирку и Лидку! И кто же расскажет о них, если не я?

Мне по знаку Зодиака положено писать слезливые мемуары. Но за них пришлось бы приниматься значительно позже, когда в живых почти никого не останется, возразить будет некому, а оставшиеся персонажи не смогут ничего ни вспомнить, ни добавить. Я теперь живу в стиле экшна, но экшна тоже не будет... Да я и не пытаюсь писать о них сюжетную прозу — я слишком люблю их. Любовь не требует сюжета. Любовь — сама по себе сюжет...

Скорее, я попытаюсь зафиксировать для вечности маленький устный эпос, который мы раньше озвучивали в присутствии друзей и родственников за общим столом, а теперь уже и сами вспоминаем все реже и реже. Мы обычные тетки, мы жили обычной жизнью. На пыльных тропинках далеких планет не останется наших следов. На земной-то поверхности немного от нас останется. От меня бы тоже могла остаться лишь очередная табличка на скале в Блю-Холле. Но не обломилась мне в этот раз посмертная слава. Пока не заслужила.

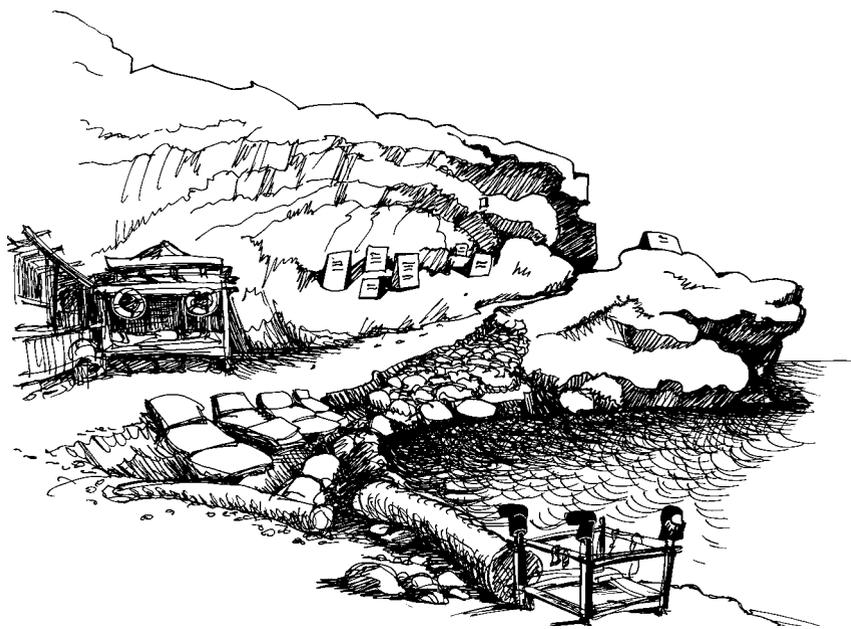
Впрочем, Лидка с Ирккой — гораздо более материальные объекты, чем я. Одна — лечит, другая — строит. Если не станет меня — вообще ничего не переменится, потому что все предыдущие годы я шла по земле, не отбрасывая тени.

Останется только кучка долларов, которой моей семье хватит на некоторое время. Если же и образуется некая пустота, то лишь в душах людей, которых я любила всем сердцем, но о которых не написала ни слова, считая себя литератором. Вернее, человеком, который самостоятельно присвоил себе право переводить буквы безнаказанно. Но если ничего другого я лучше делать не могу — значит, дальнейшую часть жизни, доставшуюся мне в виде бонуса от небесной канцелярии, надо с максимальной отдачей заполнять пространством словами и адресовать их тем, кого я люблю и без кого жизнь свою не мыслю.

Напомнила я себе чеканную формулу: «Жить надо не на понтах, а на жестких понятиях»... И подумала, что вернусь в Москву, спросят меня Лидка и Ирка, как съездила, да и начнут ругать за легкомыслие и дешевые понты. И правы будут!

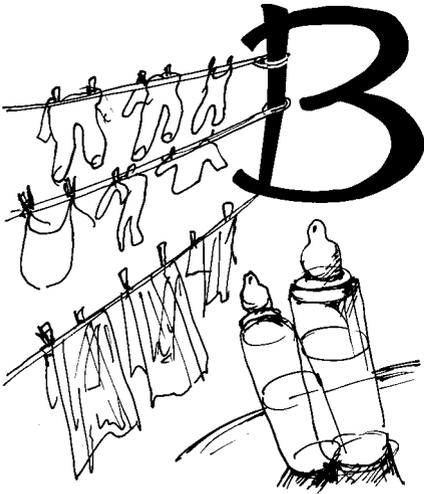
Но нет, вышло иначе. Лидка в первый день моего пребывания в Москве как раз оказалась поблизости — как всегда бывает, если что-то случается — и забежала попить кофе да сожрать что плохо лежит. Она вполне аккуратна, хоть и криво, перевязала мне ногу своими медицинскими ручками. Впрочем, Лида у нас гинеколог, всякие рваные раны и кости хоть и умеет, но терпеть не может. А Ирка вообще ответила по телефону: «Зажило, и слава Богу», — особенно не вникая... Мои экстремальные развлечения их не слишком волнуют. Для них главное, чтобы я вернулась, а они спросили: «Хорошо отдохнула?»

А я могу показывать им фотографии, журналы и фильмы, а могу и не показывать, это ничего не меняет. Потому что мы связаны между собой такими сухожилиями, кровью и мясом, что для нас троих имеет смысл только одновременное пребывание на Земле. И на ограниченном пятачке — чтобы можно было повидаться или просто нюхом почуять, что остальные тоже в порядке. Мы много лет держали оборону против гребаной жизни — спина к спине, три самки с детенышами в диком лесу совка. Детеныши уже выросли, но ощущение осталось. Собственно, я о том и хотела, просто не знала, с чего начать. Пришлось начать с Дахаба. Для героизации последующего текста. Могла бы, собственно, начать и с Троянской войны, да поленилась. Но больше здесь понтов не будет! Никаких!

1. Лидка. Первое появление

Сентябрь 86-го

отличие от иных давних человеческих связей, начало которых трудно восстановить в памяти, день знакомства с Лидкой вычисляется элементарно. В первый день после выписки из роддома — а именно 28 сентября — ко мне пришла участковая докторица, посмотрела, как я заливаюсь молоком, сочувственно спросила:

— Опять? — потому что четыре года назад, родив

сына, я тоже ухитрилась кормить еще двух детей.

И пообещала кого-нибудь прислать за подкормкой.

Вечером того же дня на пороге возникло очаровательное рыжекудро-зеленоглазое создание в сопровождении интеллигентного мужа в очках. Ее тоже выписали из роддома, ее дочь была старше аж на целые сутки. И у нее тоже был еще один ребенок — мальчик, чуть постарше моего сына. Им сильно повезло — молочная кухня расположена хрен знает где. Они забрали бутылочки и радостно поскакали в соседний подъезд. Я не слишком приглядывалась, мне было немножко не до того. Просто отметила — веселые и счастливые. Как и положено родителям после роддома.

У меня веселье не очень получалось. Последние полгода мать болела совсем уже тяжело, у нее появились метастазы в легких. Перед родами я в очередной раз насмотрелась

на всяко-разно в онкологических отделениях. Со вторым мужем я уже успела расстаться, что не огорчало, но и не добавляло общего оптимизма.

Умирать самому однозначно легче, чем смотреть на смерть со стороны. Поэтому я даже не позавидовала Лиде и ее мужу, лишь заметила — бывает же у людей как-то по-другому, легко и весело. Может, просто везет.

Через пару дней я встретила Лиду с коляской и старшим пацаном во дворе — стоял жутко холодный сентябрь, со снегом и ветром, а тут вдруг выглянуло солнце и изобразило подобие золотой осени. Лида помахала мне рукой и сообщила, что отправляется гулять в Филевский парк. Надо заметить, что Филевский парк уж никак не близко от нас, я позавидовала хорошей физической форме после родов, вежливо отказалась прогуляться, поскольку далеко отходить от дома и лежавшей там мамы не могла. Опять подумала: «Везет...» Без зависти, просто констатируя факт везения.

На следующий день за молоком прибежал ее муж, до крайности испуганный внезапной ответственностью, и сообщил, что жена прогулялась в парк и слегла плашмя. До того она всю беременность пролежала на сохранении, практически не шевелясь. Конечно, с отвычки прочесать два часа в Филевский парк и обратно, с коляской и вторым ребенком в зубах — перебор. Попутно он объяснил, что вообще-то жена его — врач и могла бы думать головой почаще. Но, впрочем, с бабы какой спрос, а ему теперь каково? Мама у него старая, больная, еле ходит, да тут еще все разом...

«Ага, — подумала я, — головой она тоже думает не всегда. И кто-то там в квартире есть старенький и хворенький». Чужое счастье стало чуть понятнее и ближе. Мне — как никому, потому что с нами жила старенькая бабушка...

Мы продолжали держать дистанцию. Сначала мучительно долго — как положено воспитанным людям — обсу-

ждали, сколько они будут платить за мое молоко. Я долго отказывалась брать деньги, мне было неудобно. И как, собственно, оценивать — по истираемости сисек? По амортизации пальцев во время сцеживания? По времени, затраченному на ударную дойку? Им было еще более неудобно денег не платить. В итоге сошлись на сумме 10 руб. в месяц, исходя из чего-то там, поделенного и помноженного на что-то еще. Потом у них оказались лишние коньки для мальчика, которые стоили те же 10 руб. Лида принесла мне свою десятку и коньки, я взяла у нее десятку из рук, отдала ее же обратно и взяла у нее из рук коньки. Мы обе дико посмотрели друг на друга, и она задумчиво произнесла:

— Может, перестанем производить обмен деньгами?

Через много лет я вспомнила эту фразу в первые осенние дни после дефолта 98-го года. Лидке на государственной службе платили в рублях, и ей нужны были доллары, а мне, наоборот, в частной конторе платили долларами и нужны были рубли. Никакие обменники толком не работали, и курс доллара прыгал каждый день, как температура воздуха — утром 15-18, ночью 12-14.

Она заскочила ко мне, как всегда, без звонка, с пачкой бабла и дежурными воплями, зная, что по утрам меня надо подбадривать. Ринулась на кухню, расшвыривая по пути плащ, сумку и ключи от машины, а за столом обнаружила здоровенного бородатого мужика. Это был — нет, не любовник, вы не угадали, но и не хухры-мухры какое-то завалящее. Теоретический жених, специально привезенный моими же друзьями в Москву из Штатов знакомиться.

Он угодил в столицу в дни дефолта, у него не работала ни одна банковская карточка из десятка, потому что большинство банков прекратило операции, он с трудом мог заплатить за меня в «Макдональдсе», хотя был очень обеспе-

ченным человеком даже по американским меркам. А еще он был израильтянин из эмигрантской профессорской семьи, сам уже профессор, и вообще хороший простой мужик, матерившийся не хуже меня и веселый, хотя и слегка настороженный — годы службы в израильском спецназе не прибавляют душевного спокойствия.

Всю неделю, что профессор жил в Москве, он заезжал ко мне утром, пил мой кофе, жрал мои котлеты и ехал гулять по городу под моим контролем, потом я честно уходила на работу, а его развлекали остальные московские приятели.

Сначала он вздрогнул от звонка и спросил:

— Ты всегда открываешь дверь, не спрашивая?

И заерзал на стуле. Видимо, беспокоился за простреливаемую зону.

Когда в кухню ворвалась Лидка, он дико глянул на нее, а она его практически не заметила — сидит кто-то, жрет, мало ли, тут всегда кто-то жрет... Лида сказала обиженным тоном:

— Ну кофе-то налейте! — и он покорно стал наливать ей кофе.

Лидка выпила кофе, съела все, что увидела, потом шлепнула в хлебные крошки пачку рублей и спросила:

— Почему будем менять?

— Вчера было 18, утром 13, давай по 15...

— Давай по 15.

Мы стали пересчитывать деньги, как герои Смоктуновского и Баниониса в фильме «Берегись автомобиля». Профессор долго смотрел на нас. Его цепкий ум бывшего разведчика и программиста-аналитика изо всех сил пытался решить сложную задачу.

— Почему по 15? — наконец спросил он, не в силах более вычислять российское среднее арифметическое.

— Считать проще, — пробурчала Лидка, — не мешай, видишь, я сбилась...

И продолжала перекладывать рублевые купюры, как на грех, — мелкие.

— Сейчас не выгодно менять, — неуверенно пролопотал профессор, — курс все время плавает, девки, вы бы подождали, вы же обе потеряете...

— Да хер с ним, с курсом, — ответила Лидка, — ей нужны рубли, а мне надо доллары отложить. Рубли я так и так потрачу, а доллары не трону.

И мы продолжали считать и пересчитывать. Профессор вполне удовлетворился ответом. Он все же был в прошлом военным и принимал любое объяснение, если оно высказано четко и не допускает двойных толкований.

Лидка допила кофе, сгребла доллары, уже у двери громко спросила:

— Что-то новое у нас тут жрет на кухне? Ничего, в твоём вкусе. Трихоножки лечить еще не надо? А то приходите вместе! — и изящно выпорхнула прочь.

И это было через двенадцать лет после памятного обмена десятками в коридоре. К слову, за профессора замуж я не вышла. И в Америке не была.

2. Црка. Первое появление

Ноябрь 86-го

а осень почти мгновенно перешла в зиму. Если Бог испытывает тебя на прочность, он непременно добавляет что-нибудь из арсенала ненавидимых тобою мелочей — в точности как сержант, тренирующий кандидатов в морпехи. В данном случае нам добавили холод.

Гулять с детьми мне редко удавалось, потому что мама уже перестала вставать. Лежать она не

могла, легкие опять заливал спецплеврит, она сидела, опираясь на стул и закутавшись в плед. Один раз между одеваниями на прогулку двух детей заглянула я к ней — а она сидит уже практически с мертвыми глазами и не дышит.

— Мама, погоди! — закричала я, — ты это... я сейчас...

Тут она и впрямь услышала, очухалась и решила еще подождать.

Сложилась практика, при которой я детей одевала, причем дочка засыпала, пока ее запихивали в меховой конверт, потом выставляла их на улицу и твердо объясняла четырехлетнему сыну, что он должен охранять сон сестры, потому что мне некогда. Сын нес вахту очень ответственно, даже отгонял тех, кто пытался громко заводить свою машину. Он чувствовал себя не по годам взрослым. Это ощущение в подростковом возрасте сильно повредило — выгоняли из

двух школ, а заканчивал среднее образование он в экстернате. В общем формировании личности это принесло скорее пользу, чем вред. Мы не всегда по режиму совпадали с Лидой, и нередко мои дети болтались у подъезда вообще одни, почти в сумерках.

Однажды в ноябре к ним подгреб высокий мужик с коляской, в шляпе и с беломориной в зубах.

— А у вас там кто? — спросил мой сын, кивая на коляску.

— Девочка, — ответил собеседник.

— И у нас девочка. А вас как зовут?

— Коля.

— И меня — Коля.

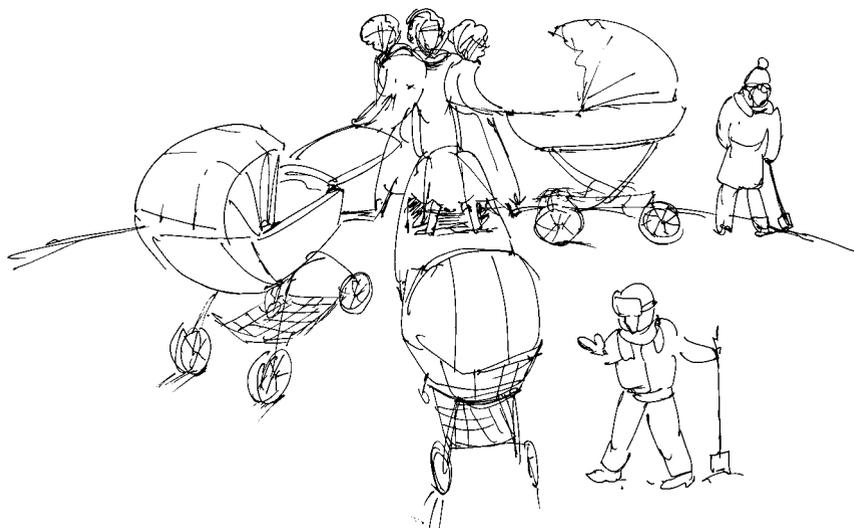
Мужчины сошлись на нелегком колясочном посту.

И появилась у нас еще одна девочка в коляске и ее родители. Мой сын уже познакомился с мужской половиной семьи, а я через пару дней познакомилась с женской. Стоял дикий холод, мы обе были закутаны в какие-то платки поверх одежды, разговаривали промерзшими губами, еле-еле выяснили, как кого зовут — ее звали Ирой, и дочку тоже Ирой. В лицо друг друга запомнили с трудом и опознавали по росту и по коляскам. Вскоре мы стали гулять вместе. Во дворе мелькало много мамаш с колясками, но почему-то именно мы сразу сбились в тройку. И стратегически это было самое правильное решение.

Ира с мужем и дочерью недавно переехали в наш подъезд в коммуналку на первом этаже, в комнату метров 12. Лидка жила в другом подъезде, вместе с мужем, двумя своими детьми и практически не ходящей свекровью. Дома друг у друга пока еще никто не бывал, если не считать забеганий Лиды за бутылками молока. Никто особо не вникал в чужие семейные перипетии. Я держала дистанцию изо всех сил. Во-первых, по ряду причин вообще особо никому не доверяла. А во-вторых, стеснялась своей

хронически неудававшейся семейной жизни. Ирка быстро уехала к свекрови в Измайлово, в трехкомнатную квартиру. У нее тоже от первых недель знакомства осталось только смутное ощущение, что она вернется от свекрови — и у нее будет здесь кто-то свой.

Много лет спустя я училась на курсах у знаменитого американского подводника Джаралда Джаблонски, чья федерация славится, помимо рекордных погружений, еще и тем, что за годы существования ни один член федерации не погиб. У них основная боевая единица — тройка. Трое обязаны выжить, если есть одна на всех маска и один работающий акваланг. Если один хоть что-то видит и второй хоть чем-то дышит — выживут все трое. Не к месту здесь параллели с экстремальными видами спорта? Да еще как к месту... Вот мы сразу и выстроились в тройку. Чтобы выжить.

3. Окончательное формирование тройки

Январь 87-го

альше все покатилося очень быстро, хотя если возвращаться мысленно в ту зиму 86–87-го г., она опять покажется немилосердно долгой и невыносимо холодной. Лидка как-то зашла за дежурной бутылкой и спросила:

— А чего мама у вас неважно выглядит, вся какая-то желто-серая?

Я объяснила.

— Если надо будет уколы колоть — я могу, — тут же предложила Лидка.

Скоро действительно стало надо. Я прекрасно помню момент, когда мать наконец согласилась на промедол, прекрасно понимая, что из сумерек уже не выйдет. Она оттягивала момент ухода в наркотический дурман до последнего, ей хотелось еще с нами побыть. Но потом сдалась. Согласилась она неожиданно, сначала вроде бы на один ночной укол, чтобы иметь возможность спать сидя. Скорая, которая должна приезжать к онкологическим больным, обычно заказывалась по телефону заранее, ночью звонить им было бессмысленно. Никакой платной медицины, никаких знаковых врачей. Я позвонила Лидке.

Она ворвалась через пять минут, в бигудях и со шприцем, преувеличенно ласково стала разговаривать с мамой,

сделала ей укол, поговорила еще пару минут и ушла. Через много лет она призналась, что оставшуюся часть ночи ее трясло, колбасило и плющило, как теперь говорят. В коридоре я что-то ей сказала, обратившись на «вы», и она прошипела:

— Да ладно, хватит выкать, все уже...

Раньше у меня не было друзей, к которым можно вломиться ночью, если рядом бродит смерть. Были, конечно, близкие подруги — из института, из школы, — к которым можно приехать и полночи обсуждать, что тебе сказал любимый и что ты ему ответила... Но маленькие дети и сложности, связанные с болезнями в доме, постепенно возвели между нами тонкую прозрачную стену. Да к тому же слишком много у меня образовалось негативного опыта, который словами не объяснишь, но из души не выковыряешь.

Мои ровесники просто не сталкивались ни с чем подобным. По телефону ситуацию с мамой тоже никому описать было нельзя: телефонный аппарат, один на всю квартиру, стоял аккуратно возле маминой кровати.

Детали процесса объяснять тоже бесполезно. Например, что означало в 86-м году добыть лекарство для ракового больного. Маме выписали всего лишь эссенциале и панкреатин, чтобы она хоть что-нибудь могла есть. Сколько надо времени, чтобы обзвонить аптеки, найти одну-единственную, где тебя поставят на очередь на это гребаное лекарство. Потом с рецептом из районной онкологии и надписью cito понестись туда. Перед уходом я укладывала двухмесячного ребенка спать на балконе и сажала старшего ребенка караулить сестру — а заодно помирающую бабушку и переволновавшуюся прабабушку. Одна лежала и не вставала, а другая ничего не слышала в силу возраста. Единственным ответственным лицом был четырехлетний Коля...

Ехать в троллейбусе, потому что машину поймать за деньги днем тоже невозможно, и молиться, чтобы никто не умер, пока ты отсутствуешь. Отдать рецепт, получить бумажку с номером очереди... И получить лекарство через месяц после похорон. Понятно, надеюсь, что теперь панкреатин с эссенциале можно купить без рецепта в любом аптечном киоске в метро.

И это, повторенное многократно, в разных вариантах, я не могла бы ни объяснить, ни описать никому. Просто надеюсь, что кто-то сверху видел. И этот кто-то хранил моих детей, пока я носилась туда-сюда с бесполезными рецептами — по ледяным очередям перед белыми закрытыми дверями. Я же не умею входить без очереди, даже если в руках бумажка с надписью cito... Я не умею до сих пор.

Надо признаться, что ощущение «меня не будет рядом, и в это время кто-то может умереть» с тех пор прочно засело в подсознании. С 19 до 26 лет я наелась страхом до отвала и потом не могла спокойно жить и радоваться. В 37 лет я сломалась. Надо было или умереть, потому что это не жизнь, или выскрести ужас с внутренней поверхности черепа. Что я и сделала при помощи невропатолога Ольги Викторовны.

Теперь я смотрю на отдельных своих знакомых, мучимых теми же страхами, и пытаюсь им объяснить: это последствия пережитых душевных травм, неважно, какими были травмы, важен результат, который в науке называется посттравматический синдром (ПТС). Он лечится, как лечатся последствия любой болезни. Но никто не слышит. Только Ирка в свое время послушалась, посмотрела на меня — и тоже пошла к Ольге Викторовне. И справилась. Не зря мы провели столько лет в одной тройке.

А у Ольги Викторовны теперь регулярно лечат порванные и потянутые барабанные перепонки мои приятели-подводники, поскольку она отоневролог и занимается болезнями органов слуха. Каждый раз, когда я появляюсь, она говорит:

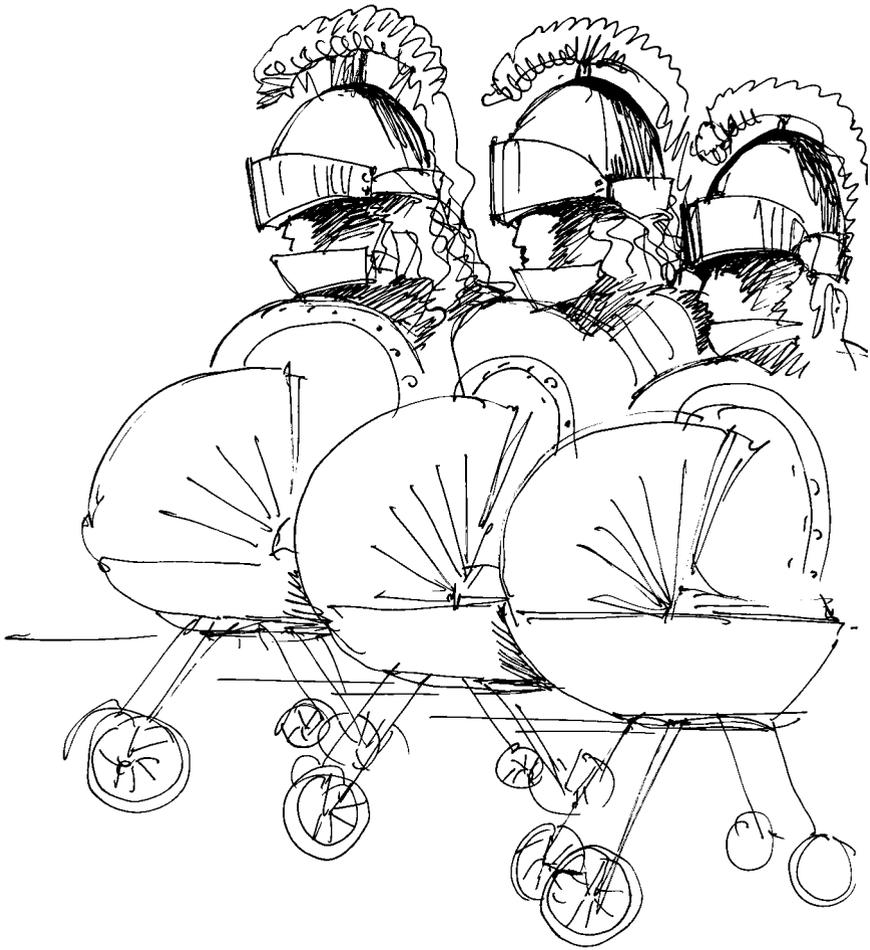
— У вас опять что-нибудь эдакое...

А я отвечаю, что именно она, Ольга Викторовна, помогла мне избавиться от комплексов и страхов, вследствие чего я начала нырять... И ответственность за последствия целиком лежит на ее совести. И Ольга ворчит, а тем временем надевает на лоб зеркальце и разглядывает рванные перепонки...

Но вернемся в зиму 87-го. Мне некогда поднять голову и посмотреть, как дочка впервые улыбается и узнает меня и Колю. Я — машина, функционирующая без остановки.

Мои институтские друзья в это время закончили МАрХИ, самореализовывались, женились-сходились-расходились, впрочем, еще и не расходились, даже не наступил еще период первых разводов... Им было не до меня. И вдруг оказалась рядом только одна шептунья Лидка со шприцем в руках, своими детьми, бабушкой, дедкой, репкой, мышкой-норушкой...

Скоро случились похороны, я сдала свою дочь на весь бесконечный день Лиде вместе с дежурными бутылками молока... Потом промелькнул бесконечный январь — с перебираниями маминых вещей, старых лагерных писем, документов и проч. А потом я высунулась во двор — и обнаружила там обеих, стоявших уже в боевой готовности: надо было чесать в магазины и добывать пищу, наступал бесславный конец совка. Мужья их целыми днями пребывали на работе, у меня еще пребывал на работе папа и дома бабушка, им всем тоже полагалось есть и пить.

Меня приняли обратно в строй, как вернувшегося после ранения бойца. Мы выстроились в боевой клин: впереди два старших мальчика, сзади — моторизованной ротой — три коляски с прицепом в виде нас. И этот первый солнечный зимний день был началом нашего далекого многолетнего пути — так, наверно, войска Александра Македонского выдвигались в свой бесконечный поход. Но в отличие от солдат, мы были обязаны выжить...

4. Школа выживания в условиях развитого социализма

Часть первая.
Марля на абажуре. Зима 87–88-го

а четыре года до описываемых событий я собралась рожать первого ребенка и уже стало понятно, что из счастливой семейной жизни ничего не получается. Тогда меня позвал на беседу один из старших коллег и приятелей. Работала я в знаменитой на всю страну «Литературной газете», младше меня не было никого — 21 год. Старший товарищ, еврейский отец трех

детей, считал своим долгом прочесть новобранцу краткий курс молодого бойца. Он посадил меня на стул, оглядел сверху донизу и мягко произнес:

— Значит, ты должна раз навсегда уяснить следующее: в этой стране все сделано так, чтобы люди не размножались. Понятно?

Я кивнула, думая, что он преувеличивает. Правда, к тому времени я уже хорошо усвоила, что здесь ничья жизнь не имеет цены и люди являются расходным материалом, причем усвоила на собственной шкуре и с тех пор никогда не забываю. Но почему-то я полагала, что, став матерью, я приобрету другой — социально значимый — статус и другое отношение к себе и к ребенку. Вступлю в более

доверительные отношения с обществом. С чего это втемяшилось мне в голову?

— Рожать можно только по благу. Блат есть?

— ...

— С ребенком сидеть некому?

— ...

Тогда вышел закон, по которому можно было полтора года сидеть дома с ребенком, и оплачивали тебе что-то частично до года. И вообще — всем, кто соберется плодиться и размножаться, обещали несметное количество льгот и мелких благ. Совок не изобретателен: сначала он изводит население, потом спохватывается и начинает уговаривать его обратно размножиться. Чтобы опять было кого изводить... В 21 год эти обещания еще внушали мне непонятный теперь оптимизм.

— И у меня некому было сидеть с детьми.

Дальше он мне описывал в подробностях, как можно息хитриться, чтобы не отдавать детей сразу в ясли, чтобы они поменьше болели, каких трудов стоит получить место в детском саду рядом с домом, как не любит начальство больничных по уходу и отпусков летом за свой счет и как практически невозможно сменить работу, если у тебя маленькие дети. Потом уже не помню. В заключение спросил, качая головой:

— А уехать, например, в Израиль совсем не к кому?

— ...

— И нам не к кому...

Правда, после крушения советской империи они нашли возможность уехать в Израиль, я даже как-то видела журнал, который он там делал. Дети его к тому времени уже выросли.

Эту короткую лекцию я много раз потом вспоминала.

Не буду никого утомлять сусальными историями о том, у кого из детей когда прорезались первые зубы, кто когда пошел, сел и когда заговорил... Они интересны только молодым

мамашам в определенный период их кормильно-стиральной жизни. Каждая из нас помнит и их первые слова, и их первые шаги, и их первые зубы. Но больше это не важно ни для кого в целом мире. Пусть останется только в нашей памяти.

А общим в первые годы существования большой советской семьи — как еще назвать пять взрослых и пять, а потом и шесть детей на маленьком пяточке одного дома — были бесконечные очереди, бесконечные детские болезни с поликлиниками и бесконечная стирка.

Коляски советских матерей снабжались внизу специальной конструкцией для складирования сумок. А для тех сумок, которые внизу уже не помещались, предназначался специальный крюк — его счастливая мать вешала на ручку коляски, и на крюк крепилась последняя на тот момент сумка со жратвой или с упаковкой хозяйственного мыла...

Правда, если повесить на ручку заведомо больше 6 кг, коляску начинало перевешивать и переворачивать, тогда из нижней корзины выпадало ее содержимое, еще килограммов на 10. Выпадало обычно в подземном переходе. Тогда еще не были проложены рельсы для колясок, и груженный детский транспортный обоз подпрыгивал на ступеньках, картошка, лук, пакеты с молоком — все летело в грязь, туда же скользили синие болоньевые сумки — пакетов тоже не было, а сумки легко стирались... Мы подбирали из грязи пакеты молока и ставили в ноги к спящим детям, дети просыпались и норовили это схватить и съесть... здравствуйте, доктор Спок и здоровая детская гигиена...

Стандартная полоса препятствий для матерей, находящихся в отпуске по уходу за детьми: пяток магазинов, одна на улице с колясками, старшие дети в арьергарде, две — в очередь.

Иногда случались памятные очереди за детским питанием в одноименном магазине. Рядом был скверик, где

высаживался дежурный со всей оравой. Вторая неслась домой за деньгами, третья вставала в эту очередь и держала ее до того момента, когда к ней подгребали остальные. Момент, когда из одного человека в очереди разом получалось три, — отдельный экстремальный психологический тренинг. Типа — все орут, а я не слышу. Мне десять упаковок и им по десять, мы занимали... А иногда очередь затягивалась, случался обед в магазине, тогда две матери оттаскивали всю ораву домой, а одна оставалась на вахте.

С походами по магазинам и закупанием всего в особо крупных размерах почему-то связан один дурацкий эпизод. Мы прочесываем магазины, Лидка забегает в аптеку и выскакивает оттуда счастливая — с гигантским количеством красно-синих упаковок презервативов. Они длинными лентами вытягиваются по ветру из сумки, Лида гордо грузит их в нижнюю корзину на коляске, упаковки выскальзывают в снег, она подбирает и радостно заявляет:

— Ну вот! А то вечно... Теперь не буду за ними ходить... — и дальнейшая часть фразы тонет в шуме проезжающего автобуса.

Мы с Ирккой тактично не стали переспрашивать, на какой же временной отрезок рассчитано данное количество — она как-то бурчала непонятно: то ли на месяц, то ли на год, то ли на пятилетку, которую в три года... Ирка пожалала плечами и хмыкнула, я позавидовала чужому счастью. Хотя если на пятилетку...

А еще однажды мы гуляли с колясками и сумками, на встречу нам горделиво шел очень красивый статный человек в шинели и полковничьей папахе из каракуля. Он увидел Лиду, обнял ее, расцеловал и воскликнул:

— Лидочка! Как тебе не стыдно! Ты должна быть хорошо одетой, ухоженной, ходить на каблуках... А ты в этом

пальто похожа на презерватив! — и он пальцем ткнул в предмет всеобщей зависти, финское дутое пальто красного цвета с какими-то вставками...

И это был Лидкин папа, в дальнейшем — еще один родственник в итальянской семейке. Через много лет они с Лидкой, моими родственниками, моим папой и кучей общих друзей будут ездить в автобусные туры по Европе и приглашать друг друга в гости...

Лидкина страсть к покупке той же продукции в особо крупных размерах проявилась позже в блистательном эпизоде на заре капитализма. Она тогда работала в кооперативной клинике, уже была УЗИ-диагностом, на УЗИ-датчики положено надевать презерватив. Клиника располагалась на Арбате, где в начале капитализма порхало много очень красивых женщин соответствующей профессии. Лидия Аркадьевна, одетая по последней моде, залетела в соседнюю аптеку и попросила презервативы.

— Сколько?

Она задумалась:

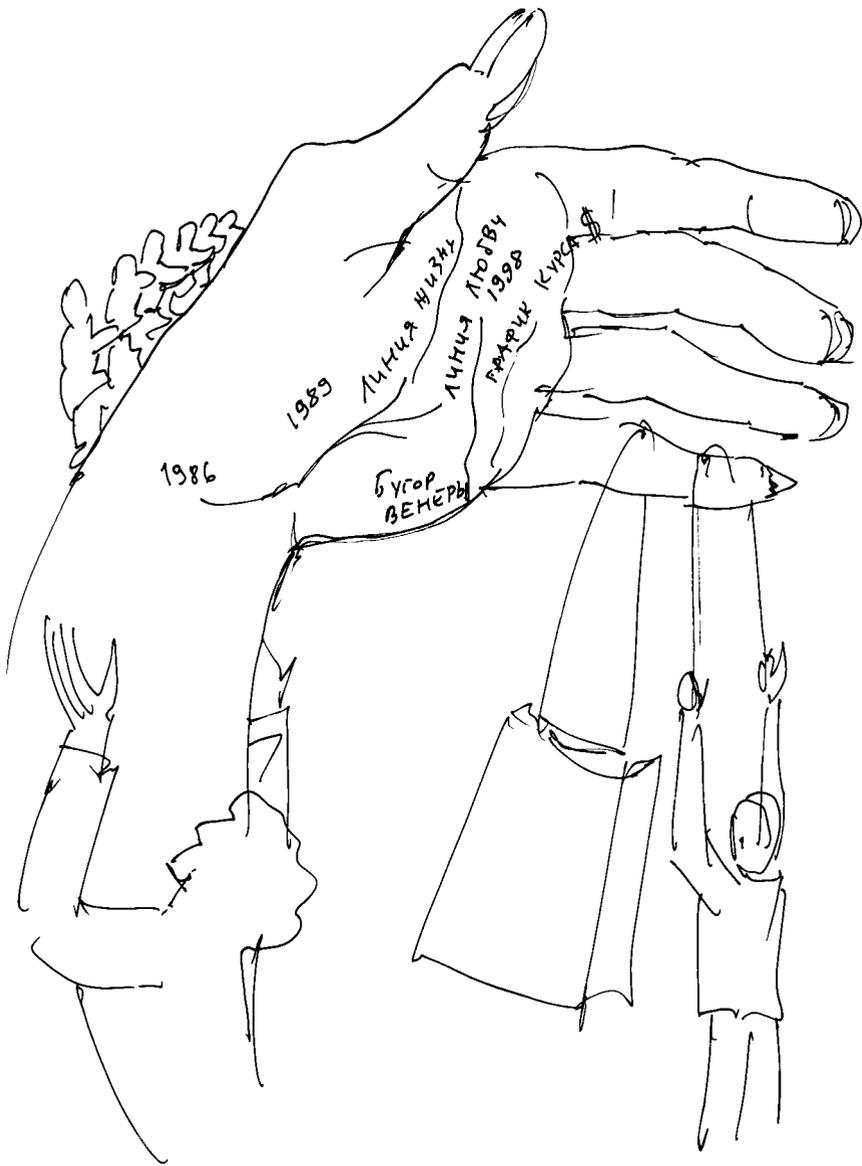
— А сколько у вас есть? Давайте все...

Ошарашенная аптекарша начала вытаскивать коробки из-под стойки, тогда Лидка увидела, что на нее озадаченно смотрят, зарделась и еще громче объяснила:

— Мне на организацию...

А еще были очереди в поликлинику, на прививки, в грудничковый день к участковому врачу и особенно — к лору. Лор — одна на все участки, да еще на полставки. Четыре часа в очереди среди орущих детей, и уже после того, как кто-то из нас уже отстоял отдельную очередь в семь утра и взял талончики...

Казалось бы — грудные дети болеть не должны. Но у нас с Лидкой были старшие пацаны, которым рано или поздно

пришлось ходить в детский сад. И оттуда потащили они бесконечные инфекции, которые тут же прилипали к мелким.

Когда через много лет я училась у Ольги Викторовны приемам аутотренинга, самогипноза и проч., в число упражнений входило впадение в транс. Никак мне транс не давался: то смешно, то спина затекает. И Ольга пыталась подобрать аналог, потом спросила:

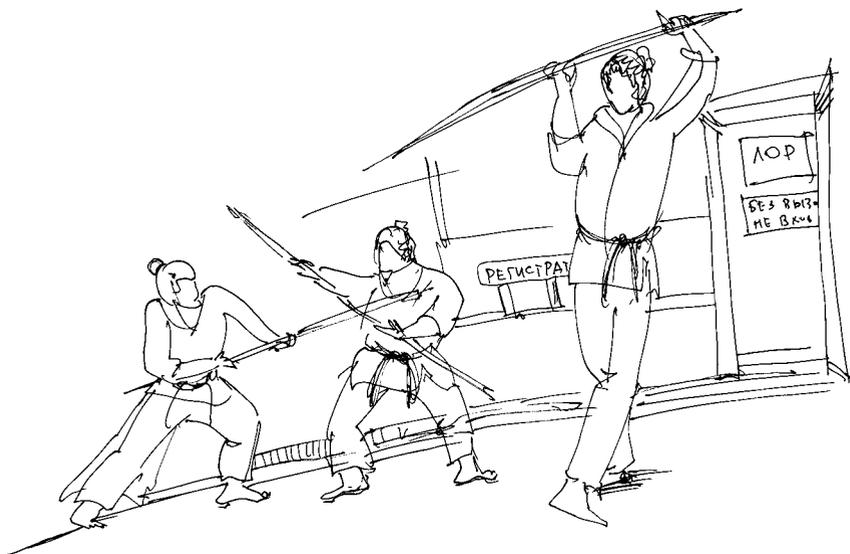
— Очередь помните?

Я вспомнила очередь к лору перед закрытыми белыми дверями, на руках хныкающие от боли в ушах младшие девочки, рядом кто-нибудь из старших с аденоидами, мимо ходят и бегают те дети, которые уже озверели и не могут тихо сидеть... Работа с подсознанием. Открывание-закрывание дверей. Транс удался на раз-два! С тех пор для впадения в транс я отлично использую воспоминание с закутком возле кабинета лора и белыми крашеными дверями. Руки онемели, в глазах пелена, в ушах нездешний шум. Отключаешь сначала звук, потом картинка бледнеет, потом можно делать все, что угодно, сознание уже ни к чему.

Еще через несколько лет я решила заняться сразу всем тем, на что в молодости не было времени. И загнал меня сначала в подводное плавание, а потом — в славный зал восточных единоборств один из отцов-основателей советского карате, мой хороший друг Юрий Вдовин, великий реформатор моей — и не только моей — судьбы. Отец-основатель считает меня любимой ученицей и регулярно снабжает видеозаписями современных воинских достижений. Теперь очередь в кабинет лора находится у меня в одном ассоциативном ряду с боевыми искусствами. И вот почему.

Есть люди, которые норовят создать что-нибудь равновеликое древним восточным единоборствам. Для каких-то секретных спецназов разработана Универсальная Боевая Система, сокращенно УНИБОС. Кассета с соответствующей надписью лежит у меня рядом с видеком среди прочих учебных пособий, там на обороте карандашом чего-то перечислено, в том числе — ИБТ, то есть Индивидуальный Боевой Транс. Впадая в него, боец становится в десятки раз сильнее, быстрее, ничего не соображает, действует только на рефлексах и инстинктах. И нет ему равных ни на суше, ни на море.

Состояние ИБТ — ничто по сравнению с тем трансом, в который мы впадали в очереди к лору. Потому что в ИБТ положено легко убивать. А нам, находясь в своем трансe, надо было, наоборот, не загрызть никого, кто вошел без очереди, не передуть собственных чад, которые от ожидания начинали орать и гундосить, и не переубивать друг друга. Наш транс был сильнее в десятки раз, потому что подавлял первобытные инстинкты, а ИБТ Медведева всего

лишь высвобождает их... Спрашивается, чей транс круче? Кто тут специально обученный?

С походами в поликлинику на прививки и к лору связан еще один момент, мучительный для меня в ту пору. Разводиться со вторым мужем было некогда, а фамилии у детей разные. Каждый раз я брала их карты в регистратуре и тут же обложки прикрывала, чтобы это не бросалось в глаза. Мне было неудобно, что у остальных нормальные образцовые семьи, а я — как не знаю что. Впрочем, вы уже поняли, наверно, что мне постоянно было что-то неудобно. Лет до тридцати семи. Потом я волевым усилием вычеркнула это слово из своего лексикона. А тогда...

Однажды я случайно увидела, что у Лидкиных детей фамилии тоже разные. Оказалось, что у нее второй брак.

— Подумаешь, — сказала Лидка, — какая на фиг разница, вот они дети, а это все вообще...

Потом оказалось, что и мужья моих подружек тоже женаты не впервые, что у обоих есть какие-то предыдущие дети, которых они практически не видят. Стало еще проще. Опять же это придавало мне стойкости — поверьте, в то время отношение к одинокой матери двух детей было еще более отвратительным, чем теперь. Даже теперь, спустя годы, я помню, как стискивала зубы, проходя с детьми через строй бабок у подъезда. (Некоторое время еще было что стискивать...)

Скажу честно: моя нынешняя смелость, граничащая с идиотизмом, на самом деле — обман трудового народа. Мои нынешние понты — не более чем запоздалый ответ на перенесенные в молодости унижения и страх. Совок в ранней молодости придавил меня и опустил ниже плинтуса. Неважно, какими способами придавил, важен результат.

На тот момент я была нелепым недочеловеком с незаконченным Архитектурным институтом, сомнительной анкетой,

отсутствующей социальной перспективой, двумя неудавшимися замужествами. С работы не выгоняли — и слава Богу. А говоря дворовыми формулировками, которые я слышала регулярно — и если бы только во дворе! — молоденькой прошмондовкой с двумя детьми. Я была затравленным до полусмерти животным с детенышами в зубах. Неважно чего боявшимся и неважно кем затравленным, не об том речь, — но именно так. А с появлением Лиды и Иры я постепенно поверила, что они меня сами не обидят и другим в обиду не дадут.

В целом, первый год совместной жизни был относительно простым. Мы начали ходить друг к другу в гости всей кучей, с мешком чистых марлевых подгузников для младших и игрушек для старших. Выучили режим жизни Ириных соседей — когда они уезжают в гости, а когда жарят рыбу и надо быстро оттуда валить... Привыкли к Лидиной больной свекрови, у которой было четверо взрослых детей и куча внуков, и знали уже, когда можно зайти, а когда там еще пять-восемь племянников...

Раньше у меня никогда не было более разнородной компании. Лида — врач-гинеколог. Муж ее, Вовка, тогдашний и второй в общем списке, — офицер госбезопасности, впрочем, на самом деле — безобидный математик-аналитик. В форме я его видела один раз в жизни, в 95 году на юбилее Победы, который отмечали у нас на Поклонной горе, потому что после всех переворотов Красную площадь закрыли на ремонт. (Надо отметить, что перевороты на том и закончились. Как просто...) Вовку мобилизовали охранять Крылатский мост. Весь в белом, просто персонаж из фильмов Михалкова, но без оружия — какое уж там оружие, откуда, — он отстоял всю вахту, украшая окрестности. Мимо него летела на парад «Черная акула». «Летят самолеты — салют Мальчишу». А в первые годы я его помню всегда в классическом дресс-коде

мужа-технаря: в трениках, с «Литературкой» и в туалете, потому что курить можно было только там. Я, кстати, в «Литературке» работала и всем ее приносила. Дефицит был, между прочим...

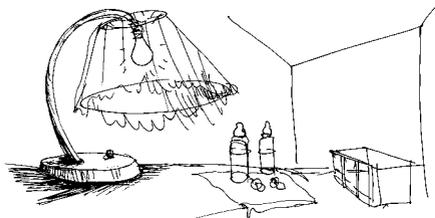
Ира и Коля Высоцкие — оба строители, инженеры подземных коммуникаций, работавшие в «Мосинж-проекте». В процессе общения выяснилось, что у них наличествует полный комплект дедушек и бабушек, только они находятся в зоне недоступности. Одни — в Ярославле, другие — в Измайлове, между прочим, в трехкомнатной квартире. Ирины родители — заслуженные строители-целинники. (Потом мы узнали, что Иркина мать сбежала с этой гребаной целины, когда выяснилось, что для новорожденной Ирки тамошний климат смертельно опасен. Сбежала тайком, почти как государственная преступница. Все-таки когда совок оказывался совсем уж несовместим с жизнью, даже советские люди понимали, что надо бежать куда глаза глядят...) Колины родители — молодецкватый полковник-ловелас и его ужасно интеллигентная жена из рода Баратынских. Нормальный замес для одной комнаты в коммуналке. Почему-то дольше двух-трех дней Высоцкие в Измайлове не выдерживали. Им было лучше в своих 12 м. Я сначала не понимала, почему — вроде все интеллигентные люди... Потом постепенно поняла.

Выяснилось еще, что у Коли есть еще брат, с женой и дочерью, а еще есть дочка Катя от первого брака. Полно народу, который можно задействовать хотя бы для разовых гуманитарных акций. Но мы их видели только на семейных фотографиях. Впрочем, у Лидкиного мужа тоже имелась бесчисленная куча родственников, которых приходилось кормить на убой во время семейных торжеств. Но все — виртуальные.

Невиртуальной родней для них, как ни странно, стала только я. Маленькая 25-летняя девочка с полустертым лицом, полустертой биографией и двумя детьми невесть откуда. Из интеллигентной семьи, где у предыдущих поколений были ученые степени и прочные браки. Только на мне природа взяла тайм-аут. Правда, в крови еще маячили еврейские пламенные революционеры, одна из бабок — комиссар фронта да еще донские казаки да прибалтийские псы-рыцари. Намешайте столько всего в одном флаконе — и пусть человек потом живет как умеет. Вот такую родственницу получили две дружные семьи. А заодно они получили еще одного дедушку и прабабушку.

Мой папа-физик со временем привык к разномастной шусере. После смерти мамы он решительно ушел в работу и свою частную жизнь, старался проводить дома как можно меньше времени. Там было шумно,людно, все с соплями, чтобы до кухни добраться, надо сперва через несколько человек пройти... Но сумел адаптироваться и квартиру разминать решительно не хотел.

Бабушка была человеком очень строгих правил, из семьи старообрядцев, к тому же — привыкшая семью охранять, как крепость. Прожив пятьдесят лет в доме напротив здания ЦК, среди сплошных шоферов, стукачей и прочей обслуги, в коммуналке, откуда сажали и награждали в равной пропорции, она очень избирательно относилась к людям, приходящим в дом. Но к нашей прорве она тоже постепенно привыкла. Благодаря ей я с детских лет выучила одно железное правило, выстраданное в годы мировых войн и революций: кто бы ни пришел к тебе в дом, сначала надо накормить. Для этой цели в доме должно быть всегда первое, второе и третье. И чтобы еды хватило, сколько бы народу в доме ни оказалось...

Здоровая итальянская семья сколотилась у нас. У каждого вечером на столе горел абажур, накрытый марлей, в прихожей стояли детские коляски и санки, и когда я вспоминаю это вре-

мя — тут же перед глазами всплывает лампа, накрытая марлей, кружок света от нее и темень за окном. Кусок счастья. Невзирая ни на что.

Через много лет мы отмечали 75-летие моего отца: дома, в несколько приемов, один день выделили для родственников. Папа составлял список, мы хором считали недостающие стулья, потом он шлепнул себя по лбу и воскликнул:

— Еще стулья! Для девок-то... Лидка с Ирккой!

И они были внесены твердой отцовской рукой в список его родственников. Чудны дела твои, господи...

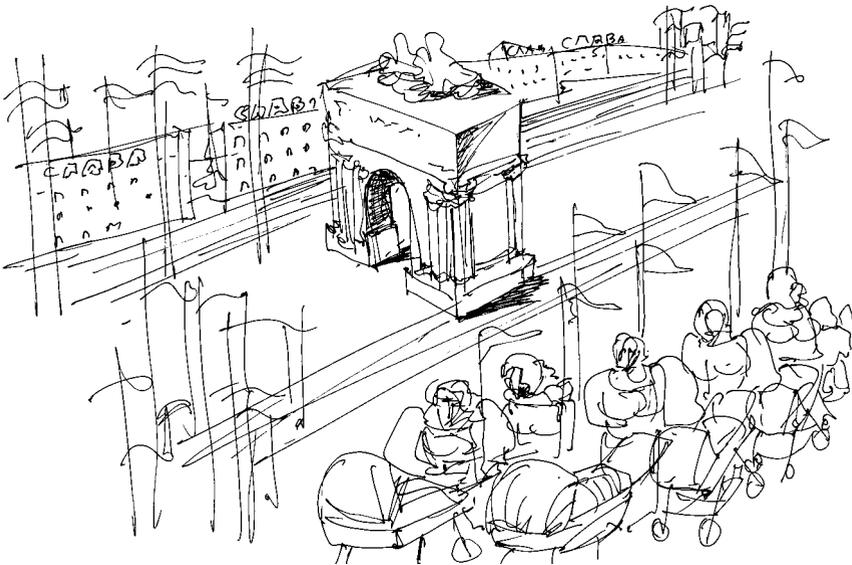
А потом перед нами замаячил конец декретного отпуска. И последствия, понятные только тем, у кого за спиной нет бабушек.

Прошлым летом несколько человек из газеты «Коммерсантъ» были высланы в братскую оранжевую республику — учить коллег делать демократическую прессу. Меня тоже послали — но не за особые профессиональные навыки, а за пофигистское отношение ко всему, кроме смерти. Собрали людей, с которыми в повседневной жизни общаешься только по работе. Там мы проводили вместе все свободное время и после сдачи газеты в печать вели неспешные ночные застольные беседы.

В силу примерно равного возраста и социального статуса, неизбежно зашла речь о детях — о воспитании, учебе, о том, как отвратительно всем нам было в школьные годы, нужно ли отдавать детей в детские сады и проч. В какой-то момент, когда собеседники утомились, они вдруг вспомнили, что вообще-то я тоже мать двух взрослых детей, и решили узнать мое мнение. Я подвела итог дискуссии следующим образом:

— Если у вас в семье есть кому заниматься детьми — это одна жизнь. А если некому — это вообще другая жизнь, и не надо даже сравнивать. Если никому нет дела до твоих детей, это на всю жизнь накладывает отпечаток и на тебя, и на них.

Сказала чистую правду. Потому что в социалистической родине наши дети были не нужны никому, кроме нас. Никого не интересовало, куда денутся дети, когда их матери опять займут место в рабочем строю. Мирная передышка кончилась, а дальше — уебись конем... Я редко ругаюсь матом, когда пишу, но если я так написала — значит, по-другому никак не получается.

5. Школа выживания в условиях развитого социализма

Часть вторая.
Санный поезд. 1988 г.

олоса препятствий для счастливой советской матери начиналась с подступов к РОНО. Оттуда брались путевки в детские дошкольные учреждения. Умные люди их брали по благу, или за взятки, или в обмен на что-то полезное, но мы на тот момент ничего полезного предложить не могли. Кроме Лидки, которая была врачом самой популярной специальности,

но собиралась выйти из декрета обратно в поликлинику IV управления. Там она никаких левых больных лечить тоже не могла бы. Высоцкие могли бы предложить участок теплосети, я — подписку на «Литературку»... Пришлось брать РОНО приступом.

Первый подход к снаряду лично у меня оказался неудачным — я пошла туда раньше всех за направлением в глазной детский сад для сына. Коля состоял на учете в офтальмологическом кабинете. Предполагалось, что его карта будет занесена в список и передана в детсад соответствующего профиля. Но это в теории. Как любые мнимые льготы и блага при социализме. Чтобы о тебе не забыли, требовалось ходить туда как на работу, канючить и носить презен-

ты, а мне было некогда. Я пришла на комиссию в день раздачи путевок, естественно, с детьми, честно отстояла очередь перед белыми дверями (как же я ненавижу белые двери, они для меня — вечный символ унижения...) — и оказалось, что карту то ли потеряли, то ли вообще отродясь туда не отдавали. Следующая комиссия через год.

— А в обычный сад можно получить путевку?

— ?..

А чтобы получить путевку в обычный районный сад, надо было записаться в другую очередь, приблизительно с рожденья. Просидев четыре часа в коридоре с детьми, я вышла в три секунды. Пожаловалась своей приятельнице в профкоме редакции, та позвонила в РОНО, подготовила почву, потом посоветовала мне: придешь, поплачешься... В смысле — пожалуешься на свою женскую неустроенность и т.д. Я опять стиснула зубы (стоит ли удивляться, что после 30 лет мне нечего стало стискивать...) — и взяла путевку в ведомственный детский садик «Литгазеты», который был прекрасен решительно всем, кроме местоположения. Находился он в районе метро «Тимирязевская», только самого метро в ту пору еще не существовало даже в проекте.

И начались поездки в сад. Описываю процесс в деталях, ибо талант — в краткости, а сила, как ни странно, — в подробностях. Дочку, которой был год с небольшим, я брала в одну руку, сына в другую руку, мы ехали на метро и автобусе (заметьте, везде лестницы, которые надо форсировать, но кто бы замечал их, если бы не живой вертлявый груз и убитый позвоночник...).

Потом от безысходности освоили маршрут с электричкой. Платформа «Фили» расположена в 10 минутах ходьбы от дома, платформа «Тимирязевская» в 10 минутах ходьбы от сада, и езды минут 25, вроде бы удобно... Но если учесть, что дочь бралась подмышку или в прогулочной коляске,

или в санках... Ребенок года-полтора в зимней одежде весит килограммов 20. Плюс санки или коляска. Плюс старший ребенок в другой руке. На станции «Фили» существует и от времени усиливается вертикальный крен платформы, из-за крена получается большая разница между ее уровнем и уровнем подъезжающей электрички. Каждое выпрыгивание из электрички на перрон — это прыжок под крутым углом через метр пустоты, где внизу колеса и шпалы. В одной руке — дочь с коляской или санками, в другой — сын. Сзади толкают на платформу, с платформы ломаются внутрь. Если иметь в виду мои габариты десятилетнего ребенка и позвоночные грыжи, можно представить себе, что отдельные десантирования из электрички я помню до сих пор. Особенно если под ногами на платформе растоптанный подтаявший лед, а санки задевают в прыжке веревкой за ногу... Эх, когда я падала в Дахабе на камни в полном техническом комплекте, надо было мне зажмуриться и представить себе, что в каждой руке — живой груз... мухой бы перелетела...

Эдаким экстремальным образом каждый день ездить туда-сюда не будешь, позвонков не хватит. Сад был пятидневный, и мы с сыном быстро решили, что забирать я его буду в среду и пятницу, как положено. Ночевало там детей немного, обстановка была вольная, он даже ухитрился мне звонить, если дежурила добрая нянечка. Еще добрая нянечка на ночь давала черный хлеб с солью. Нечего и говорить, что сад был обрисован и оформлен моими руками сверху донизу: изображениями зверей, рыб, детей, мам-пап и на всех языках, кажется, только ленинский уголок я не оформляла — его в саду почему-то не было. Хоть где-то его не было... Газета-то считалась самой либеральной в стране, и в ее ведомственном саду позволялись вольности. Нож-вилка-салфетки, мать честная... Самой пришлось научиться пользоваться с перепуту.

С дочерью вышло чуть проще — путевки в ясли нам дали организованно, потому что мы пошли туда всей когдой, да и вообще меня одну за бумажками посылать — дело гиблое, а в комплекте как-то проскочила. Путевку-то нам дали, только в ясли дочь мою не взяли.

Мало того, что весной на щеках у ребенка расцвел диатез, она еще ухитрилась занести туда грязь из песочницы и пришла в ясли с абсолютно расписной рожей, чистый леопард.. И послали нас — снова через РОНО, естественно, еще плюс четыре часа — в только что открывшиеся диатезные ясли, недалеко от дома. Даже не очень много справок попросили..

Девки мои подсуетились, нашли у детей диатез (Лидка — немедленно, Ирка — через пару недель) и тоже туда пристроились. Пока там работали пожилые нянечки, девчонки втроем ходили в ясли с удовольствием. А потом пришли молодые воспитательницы-лимитчицы со своими детьми, им было на все положить, и начались уши-сопли-гаймориты-отиты..

Во мне от безысходности разыгралась еврейская кровь, я нашла чудесную докторицу-отоларинголога, благодаря которой мы научились сами вылечивать гаймориты-отиты-аденоиды и проч. Дорога к Майе Абрамовне славилась еще и тем, что жила она рядом с Белорусским вокзалом и электричка практически въезжала в ее подъезд, приводя в восхищение даже больных детей.

Помню, однажды я пришла к ней с очередным детским отитом, стала жаловаться и вопрошать, когда же это кончится. А она и говорит:

— Я тоже так думала, пока мои девочки были маленькие. Но когда они подросли и начались неудачные романы..

Майя Абрамовна была ровесницей моих родителей, прониклась ко мне симпатией, быстро примирилась с тем, что вообще детей у нас практически шестеро, и сопровождает

ла всех нас почти до окончания детского сада. Умерла рано и быстро, от рака, в одно лето стогрела. Весной договаривались повидаться, но до дачного сезона не успели, осенью звоню — отвечают:

— Ее нет.

— Когда она будет?

— Она умерла... — и все.

Дом у Белорусского вокзала, маленькая красивая женщина с огромными зелеными глазами и зеркальцем на лбу, похожая на волшебницу Виллину из сказки про Изумрудный город, спокойный мягкий голос, улыбка, твердая уверенность в том, что я справлюсь, потому что еврейская мать справится с любыми трудностями, пока не вырастит свое потомство... Спасибо вам, Майя Абрамовна Лев, я вас никогда не забуду... Кажется, я справилась.

Но вернемся в 88-й год, к надвигавшемуся концу отпуска по уходу за детьми. Три года назад мне чудом удалось найти замечательную няню для старшего сына, но у нее было пять своих дочерей и куча проблем. И теперь она, к сожалению, не могла мне помочь. А новые поиски няни ни к чему не привели. Тогда это было сложно и не принято. Тысячи московских бабок сутками сидели у своих подъездов, но своих внуков не воспитывали и с чужими даже за деньги сидеть тоже не желали. Может, оно и к лучшему. Хорошему от них вряд ли можно было научиться. Попытки создать домашний детский сад не увенчались успехом. Однако дети были пристроены в казенные дома. Случился массовый исход матерей на работу.

И начались знаменитые разводы детей. В них участвовали пять взрослых и иногда случайные соседи и родственники. Процедура развода состояла из многих этапов.

Дежурная утром оттаскивает в ясли всех троих. Трое санок — или три прогулочные коляски, — буквально одной цепью связанные. Ясли недалеко, минут десять ходу, если идти в одиночестве, а всем подразделением минут за двадцать пять добирались. Во двор яслей ведет крутая железная лестница без перил, примерно два этажа. Можно обойти, но за счет времени: лишние десять минут, которых никогда не бывает. По узким и скользким ступенькам из арматуры счастливая дежурная мать — или дежурный не менее счастливый отец — по очереди стаскивает всех троих. Обратное — соответственно втаскивает. Дальше — крутой склон в скверике... Смешно говорить, и писать, и видеть теперь эту дорогу со стороны. Но лично мне до сих пор вспоминается, как пришла вечером я с тремя санками, а снег за день взял да растаял, а у меня как раз очередное ущемление нерва где-то в заднице, и тащу я трое санок в горку по асфальту и ору в голос:

— Дай мне, пресвятая Богородица, дойти вон до того куста. Ох, мать твою-перемать... А теперь до этого куста... — и так всю дорогу...

Ну ничего. Главное — притащиться домой и не обнаружить у ребенка ни температуры, ни соплей, ни вшей, ни глистов... (Надеюсь, понятно, что гриппы, вшей и глистов цепляли дети, а лечили их всеми семьями? Лидка очень любила прийти и раздать всем какой-нибудь декарис от глистов, по упаковке на рыло...) Я редко хожу по той дороге, хотя иногда там было бы и короче пройти. Не люблю. Против воли что-то замыкается в спинном мозгу и начинает болеть фантомной болью.

Лидкин сын ходил тоже в ведомственный сад относительно неподалеку. В пределах трех остановок на наземном транспорте. Его тоже кто-то водил и забирал — тот, кто поблизости пробегал. Я сына на «Тимирязевскую» возила сама, остальным было совсем не по дороге...

Надо признать, что режим работы у членов Семьи не всегда совпадал, и это иногда выручало, а иногда ставило в тупик.

У Высоцких рабочий день начинался черт знает когда, поэтому они детей нам скидывали и убегали как оглашенные. Но зато раньше заканчивали, тогда Ирка шла за девчонками, а Коля мог заехать за чьим-нибудь сыном. Лидка — врач, у нее был железный график утро-вечер. Зато она могла иногда взять больничный!

Я работала тогда в еженедельной газете. «Причиной невыхода на работу в газету может быть физическая смерть или непоправимые увечья...» — было написано уже в капиталистические годы в одном из моих контрактов. Но этот неписанный закон действовал всегда. Больничный в газете не поймут. У меня был удобный график и регулярные выходные среди недели, которыми я пользовалась, чтобы спокойно долечить очередные детские сопли. Но при этом случались поздние дежурства и внезапные пленумы ЦК. Тогда мы сидели до шести утра и ждали последних поправок из ТАССа в тексте речи генсека. «Бурные продолжительные аплодисменты» заменить на «бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают и стоя скандируют...». Вот из-за бурных и продолжительных иногда приходилось детей оставлять ночевать в саду и в яслях. Это случалось крайне редко. Ночную пустоту в комнате вспоминать не хочется.

Иногда, если все работали вечером, забирал девчонок уж совсем кто ни попадя. Объясняли мы дежурной воспитательнице на бегу:

— Придет муж соседки, в очках. Дети его в глаза не видели. Он скажет: «Ира, Алла, Нина». И вы ему всех отдайте...

И отдавали. Всех.

Чтобы выдерживать физические нагрузки, нужно было постоянно держать себя в форме. Например, мой день —

обычный день рядового бойца нашего подразделения — начинался с жесткой тренировки в шесть утра. Бег по стадиону и холодный душ. Простужаться и болеть не имеет смысла, если никто не выполнит за тебя твои обязанности... Дальше — кросс в полной выкладке: трое санок или три прогулочные коляски, в зависимости от погоды. После развода детей прочесывание магазинов — по пути на работу. Приходя туда к 10 утра, я чувствовала себя, словно, по выражению Жванецкого, уже просеку в тайге прорубила. День заканчивался тем же кроссом, если была моя очередь забирать выводок. В промежутке мы работали. Работа являлась фоном, на котором разворачивались спецоперации...

А по вечерам зимой мы с Лидкой ходили кататься на коньках на стадион, что под окнами. В темноте, вдвоем. Даже научились подсечки делать и чуть ли не прыгать куда-то... Летом, уложив мелких спать, ходили играть в теннис на стадион. Об стенку стучать. Забор из бетонных блоков, мячик перелетает через него — и в крапиву... У Лидки тогда начались проблемы с кровообращением в сосудах головного мозга, она начала падать в какие-то обмороки и тоже очень быстро поняла, что сколько ни падай, а если твоя очередь разводить детей — будь добра, встань и иди. Вылечила. Быстро. Регулярно шастали в бассейн, впоследствии стали загонять туда и детей... но история о том, как нас били пальмой в бассейне, будет рассказана отдельно. Короче, спортивную форму соблюдали.

В тот год выяснилось случайно, что у меня язва 12-перстной кишки, причем в очень запущенной форме. Лидка — отныне и навсегда ставшая для меня главным авторитетом в области медицины — сама поставила диагноз и сама же рвалась меня положить в больницу. Но из жесткой схемы развода детей нельзя было вычеркнуть ни одного бойца.

Пять рабочих дней — пять разводящих утром и вечером. Лидка вздохнула, пошла в свое IV управление к гастроэнтерологам, взяла у них схему лечения и дефицитные лекарства и вылечила меня сама. Посредством уколов. Когда на тощей заднице не осталось для уколов места, шприц взял ее

муж Вовка... Иногда Лида мне мягко намекала, что если с открытой язвой по утрам бегать, то может случиться прободение этой самой язвы. А я отвечала, что если бегать по утрам не буду, то еще быстрее ноги протяну...

Легкоатлетическая подготовка помогала: например, как-то в пятницу вечером дети притащили очередных вшей, в ближайшей аптеке оказалось в наличии некое волшебное средство под названием «Чемеричная вода», но аптека закрывалась через пять минут. Я успела добежать. Иначе за выходные три семьи бы покрылись вшами... Но это к слову. О пользе пробежек.

Бегать приходилось быстро. До семи вечера надо было успеть забрать и одного с Тимирязевки, и других с Кутузовского, а работала я на Сретенке и заканчивала ровно в шесть. Высоцкие ехали с Китай-города, Лидка — с проспекта Мира, Вовка — с Белорусского. Но все разводящие как-то успевали... Когда мы с Колей прибежали за девочками, двери яслей уже были заперты. Из песочницы утомленная воспитательница выводила всех троих. Девчонки радовались — они любили, когда за ними приходил кто-то из братьев. Братьев было сначала двое.

Потом популяция стремительно увеличилась. Ирка поглядела на нас, поняла, что отдельной квартиры не дождешься никогда, а возраст подпирает, и они с Колей быстро забацали второго ребенка, сына Колю. Стоит ли говорить, что пока она ходила беременная, то была вечным дежурным по поликлинике и вечным забирающим кого-нибудь откуда-нибудь. Мы повесили на нее все, что могли, и считали это в порядке вещей... И главное — она считала так же. Смена часовым не полагалась. Какой такой больничный? На работе больничный, а здесь будьте добры встать и пойти. Ирка вставала и шла. Беременность протекала без

осложнений — да и кто бы ей их позволил? Полоса препятствий для беременных не включала лишь таскание продуктов. Но если в магазине рядом с домом что-то выбрасывали — Ирка без колебаний проходила дистанцию и приносила синих птиц и кефир с творогом на всех... Как там у Макаревича: «Мы охотники за удачей, птицей цвета ультрамарин...». Вот именно.

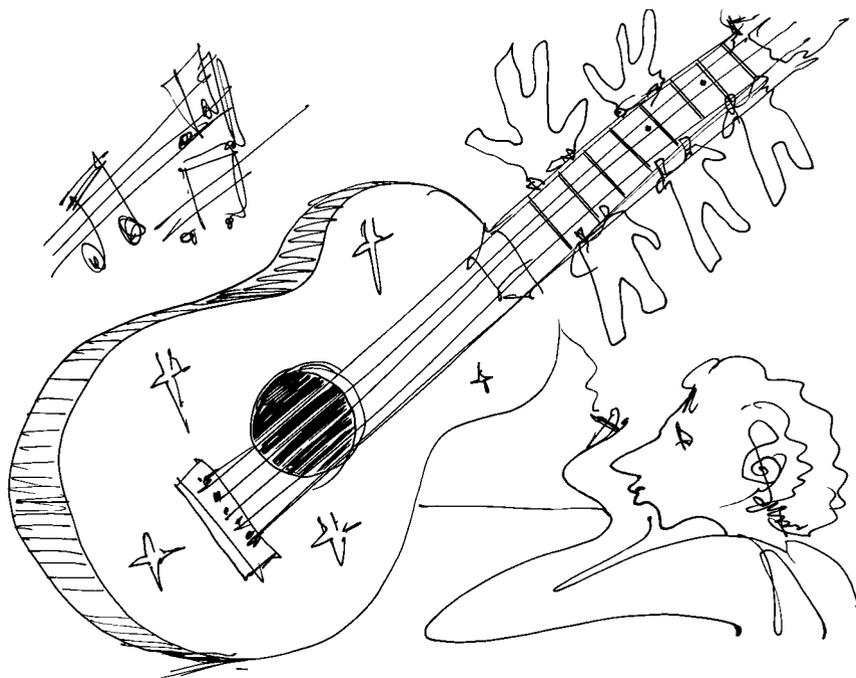
Рождение Кольки-младшего праздновали очень бурно, соседи Высоцких на время уехали, стало можно достать гитару и курить на кухне. Тогда вдруг случайно оказалось, что ее муж — знаток и ценитель бардовской песни, равно как и литературы и поэзии вообще. Сам раньше играл и пел в рок-группе, как положено всякому благородному дону. И девки вдруг выяснили, что я пишу какие-то песни и как-то пою и играю. А я с удивлением обнаружила, что могу петь и играть в совершенно непривычной для себя среде. Одно дело — петь перед компанией из богемных вузов, другое дело — заставить слушать себя Ирку и Лидку на кухне, после жареных «ножек Буша» и «Амаретто» из ларька... Практически Лидка с Иркой и их мужики выступали в роли того самого простого народа. Которому должны по гроб жизни деятели русской культуры... То есть если их считать русским народом, то я — тот самый деятель русской культуры, который им должен и обязан. И это сущая правда.

Раз уж я вскользь упомянула о своих бардовско-поэтических притязаниях, то поясню: в какой-то момент я поняла, что если этим заниматься, то надо заниматься профессионально. И нашла себе преподавателя по вокалу из Гнесинки. Он рвался за полгода подготовить меня к экзаменам на эстрадное отделение.

За слова я худо-бедно отвечала статусом почти дипломированного поэта, тут замаячила возможная перемена участи, иллюзия другой жизни — сцена, концерты... Тут же случились очередные ОРВИ, переходящие в отиты и гаймориты. Моим подругам подкидывать детей регулярно в течение полугода было невозможно: мешали то болезни, то родственники. Я объяснила расстроенному преподавателю, что моя певческая карьера откладывается. Правда, тогда я не предполагала, что отложится она навсегда...

Через много лет мы сидели в гостях, кто-то попросил по старой памяти спеть, и тут Лидка взревела:

— Галька, не могу больше слышать!

Я к тому времени записала первый студийный диск, а девчонкам было лет по 12, им ужасно нравились тогда мои песни. Еще бы — любовь, одиночество, дождь, рассвет, чужие города... Ее дочь Нинка слушала диск полгода без перерыва, и звук моего голоса приводил Лидку в невыносимую ярость. Бывает. Высокое тоже иногда может поднадоесть... Впрочем, недавно Лидка заявила, утомившись, как Д'Артаньян, от разговора о поэзии:

— Да я вообще в поэзии ничего не понимаю! И не знаю никого. Есть Пушкин, а есть Гальяка. Мне достаточно...

— Большая честь, мэм! — отвечала я, поклонившись... И не лукавила.

Да, и если вы до сих пор не поняли, то поясню — никто из нас в первые годы этой счастливой жизни никогда никуда пойти не мог! Только на работу. Или с детьми под мышкой.

Иногда Лида с Вовой брали детей и ехали к Лидиным родителям в Серпухов, иногда Ира с Колей уезжали отдохнуть от соседей к свекрови в Измайлово. В гости ходили с детьми. Дети подросли — стали вместе с ними ездить. В выходные обычно долечивали оставшиеся сопли и кашли, даже гулять не всегда ходили, чтобы к понедельнику дети окончательно стали пригодными для похода в сад и ясли. Я тогда училась во втором институте, Литературном, на заочном отделении, и там бывали сессии два раза в год. Во время сессий приходилось попадать уж если не на лекции, то хоть на семинары и зачеты. Это и был мой выход в свет, не считая работы...

За детьми некому было присмотреть, кроме нас самих. Мы были не просто привязаны к своим домам, с детьми, соседями, бабушками, болезнями, стирками — мы были ссыльнокаторжными. Я навсегда отвыкла от тусовок и хождений во всякие необязательные места именно тогда. Глав-

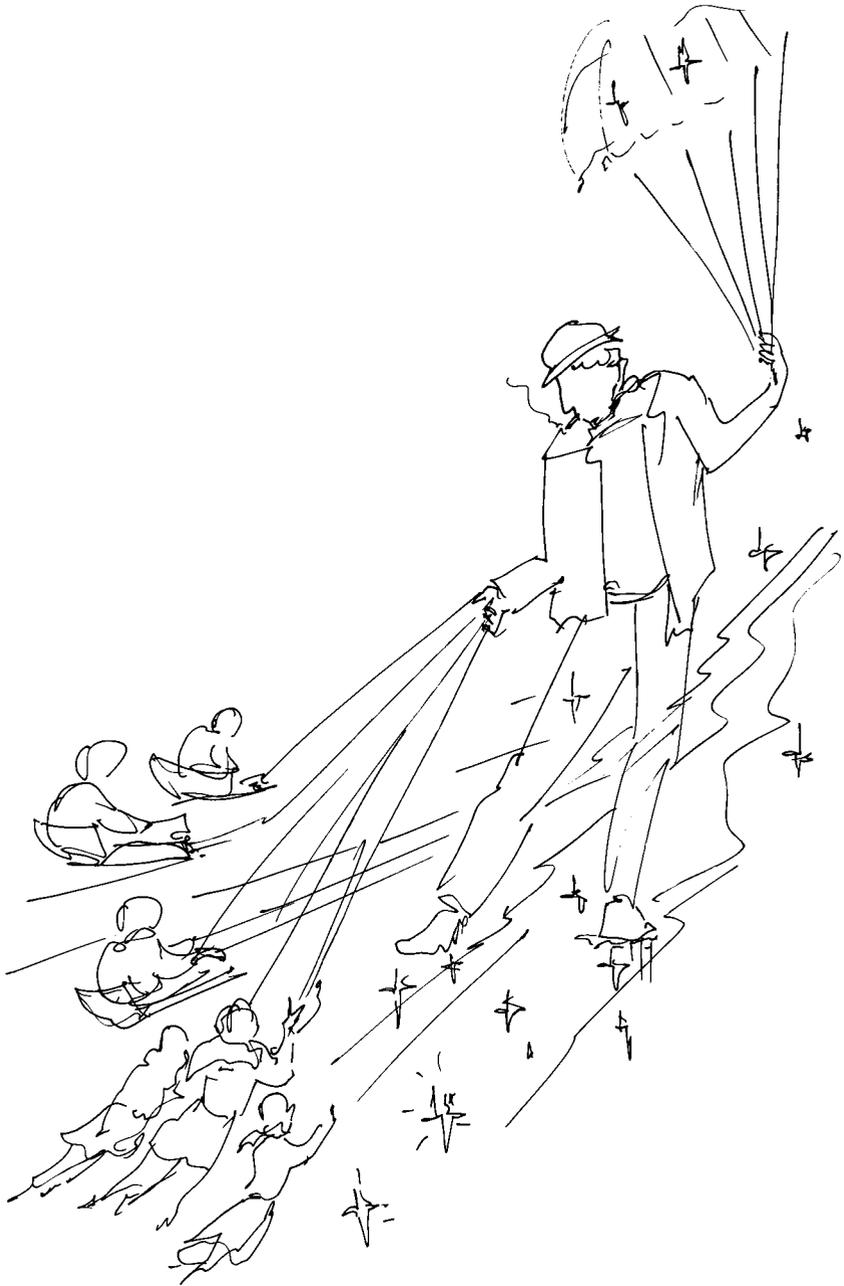
ное, впрочем, было, что мы живы, временами здоровы и что мы — вместе.

Первые зимы запомнились — если не считать очередей к лору — санными поездами из трех укутанных по самые носы бесформенных комков, из которых торчали детские щеки, вслед за поездом шли, спотыкаясь в валенках, старшие мальчишки... Когда мы встречаемся на днях рождения — детских, родительских, каких угодно — у нас есть один священный гост:

— За санный поезд!

И мы замолкаем. Он включает в себя больше, чем походы за детьми. Он включает в себя молодость, которой не было, которую мы провели, не поднимая глаз от земли и не предполагая, что возможна другая жизнь.

Иногда я думаю: где-то же существует во Вселенной место, где вечно живут прозрачные тени молодых родителей и их маленьких детей, и та любовь, которая озаряла и поддерживала их. И мне кажется, как булгаковскому поэту Бездомному, что если приглядеться, то в каком-нибудь созвездии можно увидеть и наши силуэты — трех молодых женщин и двух мужчин, по очереди волокущих поезд из трех санок, за которым видны еще две мальчишеские фигурки в шубках и валенках. И это наверняка будет созвездие Стрельца, потому что Лидка — Стрелец и Коля Высоцкий тоже был Стрельцом. Он оставил нас раньше всех, но его чуть ссутуленная высокая фигура наверняка где-то по-прежнему меряет звездную пыль, попыхивая вечной беломориной и держа в руках веревку от первых саней из тройной упряжки.

6. Чтоб ты жил в эпоху перемен!

Совсем краткий курс
новейшей истории России.
1989-1991 гг.

а безыскусными забавами и хлопотами мы и оглянуться не успели, как в большой жизни начали происходить необратимые изменения. Строго говоря, остались какие-то отрывочные воспоминания, связанные с тем, как стремительно стало исчезать все. Кроме резаной бумаги, обозначавшей деньги.

Недавно совсем Лидка сидела на кухне и обсуждала со мной разнообразие сыров в супермаркете «Ашан», а более поздняя подруга Таня убеждала ее, что в Голландии сыров все-таки больше, чем в «Ашане». Я напирала на то, что «Ашан» существенно ближе. И вдруг Лидия Аркадьевна вспомнила буквальную сцену из анекдота, происходившую в нашем гастрономе.

У нас в доме на Кутузовке был гастроном, в котором временами даже случалась выдача дефицита. К концу квартала, года, света и проч. Году в 89-м стояли мы с ней в очереди, какая-то дама спросила продавщицу:

— Какой у вас сыр?

— Сыр — он и есть сыр! — прописными буквами пропечатала та в ответ.

И мы тут же вспомнили волшебного-розового цвета сметану, производившуюся из ряженки, смешанной с мукой... А Таня вспомнила, как она купила в магазине мороженое мясо, на котором стоял штамп ОТК и фиолетовый полустершийся год ее рождения. Впрочем, подобных примеров много в арсенале у каждого, кто прожил какое-то количество лет в этой стране. Удивительным было и то, с какой невероятной скоростью кончились стратегические запасы всего...

Мне повезло. Я работала в главной либеральной газете страны, у нас был тираж 6 млн. И маленький город-побратим Мюльхайм в Германии, откуда к нам шли эшелоны с гуманитарной помощью. Ветчина в банке и рождественская звезда. Как у Бродского: «Плывет в тоске необъяснимой...» Одна немисливо красивая коробка из-под мюльхаймской посылки до сих пор живет у нас на антресоли: в ней хранятся елочные игрушки. Звезда тоже жива до сих пор. И розовые мюльхаймские шары мы по-прежнему 31 декабря вешаем на елку.

Лидка еще иногда урывала какие-то мелкие блага из своего подышающего IV управления. Например, однажды она урвала талон на шапку в блатном меховом ателье. Все читали книгу Войновича, Лидка — в соответствии с литературным первоисточником — тоже добилась своей шапки, которая, конечно, оказалась ей велика и вытерлась через полгода. Но шапкой сыт не будешь.

Добывание пищи в те годы выглядело как налет сиу на апачей. Кто-то один шел домой и забирал детей, кто-то другой шел и втыкался в близлежащую очередь, звонил из автомата, требуя подмоги. Автоматы почему-то работали.

От удара кулаком. Дальше шесть детей и наличествующие взрослые устремлялись на штурм очереди, потому что давали продукта по две штуки в одни руки, а рук у нас получалось сразу много. Очередь сопротивлялась, но мы с боем брали кассу и вырывали двенадцать образцов продукта с победными воплями. Как раз уже и магазин закрывался. «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» — это мясной отдел перед закрытием году в 89-м... Потом приходили домой, быстро ели то, что урвали у врагов, смотрели «Спокойной ночи, малыши!» — и детям можно было ложиться спать, еще один трудовой день героически заканчивался.

А мы пили коллективный чай из дефицитных желтых пачек с синими слонами и разбрёдались по своим углам. Колька с Ирккой по ночам что-то чертили на коммунальной кухне, между стиралкой и плитой раскладывая чертежную доску, Лидка во сне осваивала передовые медицинские технологии, я еще питала творческие иллюзии — непонятно чем подкрепленные — и по ночам заунывно играла на гитаре и распевала песни собственного сочинения. Еще писала никому не нужные пьесы и проч. Даже либретто рок-оперы однажды написала. По заказу, естественно. Заработать рассчитывала. Не заплатили. Не пригодилось. Как всегда.

Потом стало проще — ввели визитные карточки покупателя, или потребителя, или как-то там еще. В визитку были вписаны члены семьи, то есть дети. Правда, Ирка не была здесь прописана, поэтому ей сначала детей в визитку не вписали. А потом почему-то вписали и ее детей, и дочку мужа от первого брака. Теперь один человек мог купить не два пакета кефира, а два умножить на количество людей в его визитке. Стало весело. Еще были талоны на сигареты и водку.

Я отчетливо помню одну конкретную очередь, в которой только сумасшедшая сила воли не позволила мне убить человека голыми руками. Правда, тогда совпали две очере-

ди — за мясом в «Детском питании» и за «Дымком» в табачном ларьке напротив. Обошлось без жертв. Но я так отчетливо представила процесс убийства того, кто усомнился в подлинности моего номера, написанного на ладони синей шариковой ручкой, что потом долго не могла успокоиться. Желание вырвать кадык и пить кровь осталось в потаенных уголках подсознания до сих пор. Если понадобится — я смогу вызвать это чувство оттуда в любой момент, и горе тогда всякому, кто окажется на моем пути. К вопросу об Индивидуальном Боевом Трансе.

К очередям мы привыкли не вчера. Но тут случилось появление в стране невиданной доселе валюты! И первым из нас начал зарабатывать ее Колька Высоцкий-старший, обнаруживший в себе, помимо высоких инженерных качеств,

еще и способности к бизнесу. У Высоцких появились уже другие деньги, они завели себе дачку. Правда, наличие денег не повлекло за собой улучшения жилищных условий, потому что продажи квартир еще не было и в помине, а разменять коммунальное непонятно что на первом этаже было тогда невозможно. Денег было достаточно, а на что их тратить — еще непонятно. В стране не было пока ничего, кроме денег, тоже ничего не означавших. Появились вдруг другие зеленые бумажки, и якобы они имели другую материальную ценность... Всю политэкономия Маркса мы изучили на собственной шкуре. Как там? «Один топор равняется одна овца»?

Но зато наша материнская участь начала стремительно меняться в лучшую сторону! Разводы детей упростились до предела. Старшие мальчики уже учились в элитной гимназии, расположенной в соседнем дворе. А детский сад, в который пошли девчонки в 1989 году, находился прямо за забором гимназии. Можно было выбежать из дому в тапочках на босу ногу, всех развести по месту отбывания службы и вернуться через десять минут. Выпить кофе, вымыть шею и опомниться... У нас появилась куча дополнительного времени! Для заработков и добывания пищи!

Одна из любимых и часто вспоминаемых баек этого периода — история про стремянку. Она прекрасно иллюстрирует тезис о слиянии всей кучи народа в один племенной конгломерат.

В тапочках на босу ногу, Ирка-старшая отвела всех троих и вернулась бегом домой, где младший Колян в одиночестве сидел перед видеком с мультиками. Дверь не было велено открывать никому. Соседи отсутствовали. Ирка честно попыталась попасть в квартиру. Дверь не поддавалась. Вероятно, закрыты были все замки, в том числе и внутренних.

Она некоторое время походила вокруг дома, пытаясь звонить из автомата. Потом подобралась к окнам своей квартиры — первый этаж достаточно высокий, с земли не допрыгнешь и рукой не помашешь. Ирка загрустила, понимая, что раньше вечера кто-то из нас вряд ли появится, а жить где-то надо. За Колю она не очень сильно беспокоилась. По принципу — жрать захочет, задумается. Но с другой стороны — маленький ребенок, один дома и т.д. Да и на улице ей было не жарко...

И тут — о чудо! — она попала на глаза моему папе. Папа проявил недюжинную смекалку и догадался, что если Ира в девять утра прыгает под окнами своей квартиры в кустах, аки голодная рысь, значит, ей надо оказать гуманитарную помощь. После небольшого совещания принесли стремянку, Ирка добралась до своего окна. Сын обрадовался, увидев мать за стеклом, радостно помахал ей рукой — и все. То есть он пошел досматривать мультик, а Ира не сразу догадалась и некоторое время еще бегала вокруг дома, рассчитывая на то, что теперь-то дверь будет отперта. Не тут-то было... Папа был готов предоставить Ире политическое убежище и оказывать гуманитарную помощь и далее, но Тельцы — они же упертые, ей приспичило домой попасть, хоть ты тресни. С какого-то энного подхода к снаряду ей удалось жестами убедить сына открыть дверь. К тому времени как раз кончилась кассета с Томом и Джерри... Мой папа, как подлинный русский интеллигент, скользил над бытом, не сильно заморачиваясь, поэтому легко вписался в эти бесконечные перипетии. И если не стремянку, так пассатижи или запасные ключи от трех квартир практически держал наготове круглые сутки. Да и дежурные раскладушки и пяток комплектов постельного белья у нас всегда присутствовали.

Ирка в тот год получила возможность не ходить на работу и заниматься детьми. Ирка стала положительной мате-

рю. Мы же с Лидкой оставались классическими ехиднами, то есть ушли на работу — и хоть трава не расти. Ирка наблюдала детей чаще и пристальнее, у нее было время присмотреться к ним, она подробно обсуждала с нами плюсы и минусы, очевидные ей в характере каждого ребенка. Иришка-младшая начала читать довольно рано, что было предметом материнской гордости. Правда, однажды Лидка спросила ее:

— Я в первом классе читала «Трех мушкетеров». А Галька небось вообще в три года их прочла. И какая между нами разница? В одной жопе сидим...

Не помню, каковы были встречные аргументы. Видимо, недостаточно убедительные. Разницы между нами действительно уже не стало. Все ошалело озирались по сторонам в поисках заработка.

Лидка освоила улыгразвук и сменила место работы. Хотя случилось это тоже не само по себе. Ее сын однажды на вернулся с тарзанки в Филевском парке и заработал себе сотрясение мозга. Лидка пребывала, естественно, на работе. Собрался семейный совет из бесчисленной родни — которой, к слову, абсолютно не было дела до того, как, собственно, Лидка справляется с детьми и больной свекровью. Совет строго постановил, что мать должна работать рядом с домом и по щадящему графику. Лидке было неудобно им возразить. Она в тоске побрела устраиваться на работу поблизости от дома, нашла безысходную медсанчасть, расположенную на задворках завода по производству невесть чего. И проработав там очень недолго, получила направление на учебу на улыгразвуковую диагностику. С этого начался ее профессиональный взлет.

А я вдруг научилась зарабатывать своей первой специальностью — изящным искусством. Мои архитектурные

друзья и подружки стали расписывать яйца-шкатулки, выжигать-пилить-резать-точить-лепить... При нашем бумажно-книжном образовании возможность заняться живым ремеслом и еще получить живые деньги приводила к потрясению всех душевных основ!

В любом доме друзей-архитекторов, где я бывала, по стенам стояли-висели разнообразные поделки хозяев, мы обсуждали преимущества нитролаков перед мебельными и выучили график завоза заготовок на Измайловский рынок. В субботу в 6 утра приезжали изготовители деревянных болванок с периферии. Потом шли оптовики, сметали сырье и продавали его тем, кто долго спит, уже с наценкой. Темнота, на мокром снегу разложены деревянные яйца и шкатулки, я на ощупь определяю, сухая ли липа или недосушенная, откуда она — с Вологды или с Костромы... чего я только не научилась определять на ощупь, прости господи...

— Бог в помощь, дочка! — говорили степенные изготовители. И я почему-то чувствовала себя мастеровой, как они. Буквально ощущала себя частью простого русского народа. И знала, что Бог точно окажет мне помощь и меня не будет тошнить от сотен сделанных мной яиц.

У меня даже потом образовались собственные поставщики двора — они специально точили огромные яйца, размером больше человеческой головы, для выставочных работ. Привозили дважды в год, на Пасху и к Рождеству.

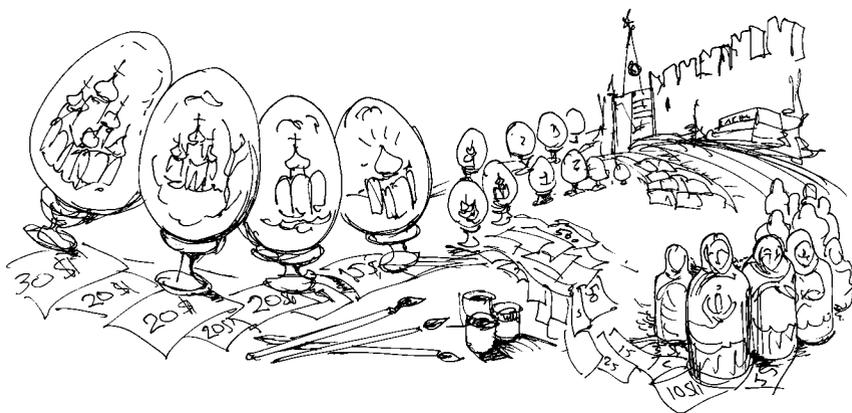
— Ничего, — уговаривала я себя по ночам, надевая на голову лупу и включая выжигательную машинку из «Детского мира», — Леонардо и Веласкес тоже писали на заказ... Любитель работает по вдохновению, а профессионал — за деньги... Быть хорошим ремесленником — очень сложно и очень почетно...

Честь ремесленника не позволяла мне повторяться: все сотни и тысячи, сделанные моими руками, были разными.

Ремеслом мы и зарабатывали те самые непонятные доллары. Например, одно удачно проданное яйцо равнялось моей приличной зарплате в «Литературной газете». И двум зеленым бумажкам с непривычными портретами — не Ленина и не Маркса. Помню худсовет в одном из СП, в Хрустальном проезде, рядом с Кремлем. Очередь из архитекторов всех мастей и возрастов, заслуженные родители со взрослыми детьми, проректоры МАрхИ и члены МОСХа, в комиссии — пара ошеломленных американцев и их важные московские партнеры, под дверями курим мы — гордые: наши работы берут, двадцать долларов яйцо... «Беломор» курим. С сигаретами в стране были перебои... Без перебоя работал только печатный станок Гознака.

А еще помню, как я шла по Варварке, где в каждой церкви в ту пору работал валютный киоск или худсалон, заходила во все двери, как рэкетир, и в пластиковый пакет складывала пачки денег за проданные работы. Из одной кассы — в другую. Перед Новым годом поделки продавались мгновенно, я не успевала нести новые яйца и получать гонорары...

Бабушка, задумчиво разглядывающая доллары... Правда, бабушка была ровесница века и видела революции, военный коммунизм и НЭП. Она раньше всех констатировала, что процесс необратим. Она заранее пообещала мне частные школы, коммерческую торговлю, руководство страны со свечками в Елоховской церкви, победу Ельцина и последующий крах его, развал Союза... Она просто внимательно смотрела вокруг. Судьба этой страны стала для нее открытой книгой, которую она могла читать с любого места — как Пилар Тернера к старости могла прочесть судьбу любого из рода Буэндиа... Я сначала не верила и пыталась возражать, потом перестала. Теперь я сама уже могу читать эту книгу с любого места, и содержание ее порождает только едкую горечь.

Период того самого первоначального накопления

Лидка училась УЗИ-диагностике и уже работала на двух работах.

Высоцкие плодили левые проекты.

Я повышала яйценоскость.

Но куча денег, полученная за любые быстрые заработки, так же быстро превращалась в жалкую кучку. Как у Ремарка: после обеда объявляли курс, и деньги превращались в ничто...

Едва лишь в любом ларьке стало можно за доллары купить сосиски или сигареты, социализм рухнул, и его крушение было стремительным и фантазмагорическим. Я никогда не забуду прямую трансляцию концерта «Пинк Флойд» из Берлина в 89-м году, когда в конце рок-оперы «Стена» герой проламывал символический остаток Берлинской стены. Я смотрела концерт одна, дети уже спали, казалось, что я присутствую на прямом эфире крушения мироздания и слушаю саундтрек к нему. Началось то, чего никто не мог предположить. Практически — «Матрица. Революция».

1991-1992 гг.

От 91-го года у меня осталось стойкое убеждение, что результатом любой революции является всегда гора мусора, который никому не охота убирать — еще бы, победа, все ликуют, поют:

— С нашим атаманом не приходится тужить...

Какой уж тут мусор, пусть его лежит... Запах дыма и огромные помойки. А потом, когда все спели «Черный ворон, что ты выешься...» — и протрезвели, немедленно началась инфляция. Вот она, свобода! Вы хотели ее — ешьте ее полной ложкой...

Но в ту пору свободный мир еще дивился на нас. Иностранцы валили в страну валом, я наплодила столько яиц разной тематики и размеров, что ими можно было бы обернуть земной шар восемнадцать раз, Лидка изо всех своих сил лечила бесконечных путан с Арбата, поскольку клиника располагалась на Сивцевом Вражке...

Еще, например, случалось, что у меня не было рублей, а были доллары. Например, канадские. Откуда — лучше не думать даже. Я шла к Высоцкому, и мы с ним менялись деньгами по какому-то условному курсу...

(Мой редактор язвительно пометил на полях: «Что же у вас все время обмен деньгами происходил?» Да. Все время менялись. Едой, детьми, лекарствами, носками, колготками, свитерами, сапогами, деньгами — что было в диспропорции, тем и менялись. А перебои с наличными деньгами и предметами тогда случались у всех.)

Или у Лидки вдруг образовывался пробел в бизнесе, и она начинала продавать нам — нам, да-да, всем остальным пятерым — спортивные костюмы из Италии. Мы покорно покупали. Деньги имели условный характер, инфляция даже приблизительно не позволяла сориентироваться, стои-

мость чего можно взять за временный эквивалент. Мы их зарабатывали как умели и переводили в какую-то пищу и в какую-то одежду. Чисто по Марксу.

1993 г.

Еще Лидка ухитрялась делать бизнес: ездить в Польшу и продавать там телескопы, подзорные трубы и проч. Тогда было очень выгодно почему-то челночить в Польше. Помимо денег, Лида еще заработала пиелонефрит, стоя на морозе на варшавском рынке... Однако запала ей в душу сцена следующего содержания: на обратном пути, уже на последней станции перед границей ее товарищи пошли покупать сувениры — и на вырученные деньги купили искусственное пластиковое дерьмо на тарелочке, с виду неотличимое от настоящего. Это заставило мою подругу задуматься о глубинном смысле своего малого бизнеса, она перестала челночить. Тем не менее Лидка зажила сильно богаче — купила новый телевизор, одела всю семью в китайские куртки, и ее семилетняя Нинка говорила в школе:

— У нас денег полное пианино... — приводя учительницу в состояние классовой ненависти.

Забегая вперед, поясню. К концу начальной школы нас из элитной гимназии уже изжили — за все по совокупности. (Коля, правда, ухитрился там поступить в гуманитарный класс, и его еще терпели какое-то время, но потом уж однозначно выгнали. Он нечаянно сломал дверь в классе, а я пришла и с ходу заплатила плотнику за ремонт наличными полтора миллиона. Прямо из кармана вынула. На глазах у преподавателя литературы, который состоял в переписке с Бродским. Кто бы это вынес?.. Коле поставили

шесть двоек в году по всем основным дисциплинам, он ушел в экстернат, а Алка — в частную школу, о которой пойдет речь ниже.)

Мы нашли частную школу, и девчонки стали там учиться. Сначала все пошли в подготовительный класс. Потом учеба резко вздорожала, с тридцати долларов в месяц до ста, и осталась там только младшая Ирка, остальные этого себе на тот момент позволить не могли. А уже в третьем классе туда вернулась моя дочь.

Перед этим я пережила маленький момент подлого торжества: мы пришли забирать документы из гимназии, где последние полгода нам только и объясняли, как именно недоразвиты моя и Лидкина дочери и по каким причинам им в гимназии не место. Забираем мы личное дело, а завуч спрашивает:

— Скажите номер школы, в которую вы уходите, нам надо для РОНО...

— Платная школа, без номера, называется «Ступеньки»...

Завуч и классная руководительница переглянулись, в глазах промелькнули — нет, не их педагогические недоработки, а те суммы, которые я, оказывается, могла бы отстегивать за «четверки»... А теперь я понесу деньги в другое место. Мы развернулись и ушли.

Тот период был золотым веком частных школ. Обычные родители объединялись и создавали школы, чтобы собственным детям было приятно туда ходить. И сами там преподавали. Моя дочь доучилась в школе «Ступеньки» до 8 класса, а Ирка закончила 9 классов. Впрочем, потом у директора школы дочка поступила в институт, на нее стали насаждать, выживать из помещения — Фрунзенская набережная, лакомый кусок для арендаторов — и школу то ли закрыли, то ли продали.

Перемены происходили на немыслимой скорости, никто не мог ни опомниться, ни спланировать жизнь хотя бы на полгода вперед...

С поступлением в частную школу, вернее, в ее подготовительный класс, связан один смешной эпизод. Я уже упоминала вскользь, что нигде мы не были сами себе предоставлены, и в собственных квартирах — тоже. У Лиды в квартире в тот момент оказалось много родственников мужа. У меня — бабушка после инсульта. У Ирки к соседям приехали гости и жарили рыбу. А девчонок зимой 93-го приняли в подготовительный класс, и мы решили отметить сей значительный факт общей биографии посредством торта и бутылки вина. В результате пять взрослых человек и шестеро детей стояли на лестнице, пили из одной кружки и ели одной ложкой. Впрочем, как-то летом мы что-то тоже отмечали на лестнице, а в итоге чудно посидели в детском скверике... И не потому, что дома нас не любили, а просто мешали мы всем. Много нас было...

Ах да, в начале 90-х к Лидке в квартиру вернулся брат ее мужа — он был собкором ТАССа в Италии, срок вышел, и он с женой и двумя детьми тоже благополучно зажил вместе с Лидкой, ее семьей, неходячей бабушкой, кошкой, рыбкой, жучкой, мышкой-норушкой... Толпой ходили бесконечные родственники, когда родственников не было — вкатывались мы всем табором. Иногда она звонила и в отчаянии говорила:

— У меня уже все съели.

— Пусть идут ко мне, — отвечала я, — здесь еще полкастрюли борща осталось.

Мы ходили друг к другу уже в любое время суток, по любому поводу или без повода. Например, у Ирки приходил с работы пьяный уставший муж и ложился спать поперек их 12-метровой комнаты. Остальным негде было не то что сесть, а даже встать, и они тут же поднимались ко мне на четвертый этаж, прямо в тапочках, и жили у меня до завтрашнего утра. Или у Лиды кто-то из родственников мужа

заболевал гриппом, тогда они в свою очередь приходили ко мне или к Ирке, если меня дома не было.

Или уезжал домой Лидкин сосед-итальянец, распродал мебель, в одиннадцать часов ночи прибежала Лидка в ночной рубашке и в сапогах и вызывала Высоцких идти за шкафом, который им обязательно надо купить у Сальваторе, пока тот не улетел. Четыре полуодетых человека полночи таскали мебель из подъезда в подъезд, распутивая кошек, бабок и соседей. Меня от таскания мебели освобождали по причине кривой спины.

Уголок психоаналитика

Есть в этой истории один деликатный момент, о котором я начала задумываться только недавно. Нас было пятеро молодых разнополых особей, я была вообще свободна от любых обязательств и к тому же — моложе остальных. Когда мы познакомились, мне было двадцать пять, а остальным в районе тридцати. Но никогда у нас не возникало даже идеи легкого флирта или чего-то подобного. Не потому, что хромые, косые и убогие. А потому, что видали друг друга во всех видах. И в запоях, и в поносе, и в температуре, и с фурункулами на жопе. Хотя случались и длинные полуночные беседы о путях и судьбах, как без них?..

Между нами сразу выстроились абсолютно родственные отношения, лишённые начисто какой-либо игры полов. Коля демонстративно приударял за Лидкой, Вовка периодически мне звонил и заговорщическим шепотом приглашал зайти в гости, пока Лидка ушла, а он еще не оделся... но это была детская забава, как в младших классах. Мы никогда друг друга не стеснялись. Я могла зайти к Высоцким вечером выпить чаю, и мы с Ирккой долго и нудно обсуждали какие-то педагогические проблемы, в то время как ее муж развалился в комнате внизу двухэтажной кровати, потягивая мартини и включив порнуху. У Высоцких раньше всех появился видак. Коля лежит и дремлет под тягучие стоны и гнусавый голос переводчика, а мы с Ирккой на кухне допиваем чай. Наверняка у мужа были какие-то игривые планы на вечер, но увы — пока мы допивали чай, он уже засыпал... Ни жену к себе не звал, ни меня тем паче...

Оглядываясь назад, я понимаю, что семья у меня действительно была. И посторонний бы даже подумал — шведская, с перекрестным опылением... Но нет — здоровая советская семья, состоявшая из трех жен, двух мужей и шести детей. А еще у нас были бабушки-дедушки, которые болели, обижались, разводились — да-да, разводились — приезжали, уезжали, и со всеми ними мы вступили постепенно в загадочные родственные отношения. Семейные проблемы, которые одиноким независимым теткам обычно неведомы, я благополучно переживала вместе со своими подругами.

Доктор Фрейд, если мы встретимся с вами в заоблачном краю, то будем долго обсуждать мою женскую долю. И попробуйте-ка мне объяснить, почему с этими четырьмя людьми я была счастлива, как никогда не бывала счастлива с одним каким-нибудь мужчиной?.. Наверно, потому, что мы друг друга любили. Любовь ведь имеет много лиц. Если верно, что браки совершаются на небесах, то это был очень странный полигамный брак, в котором ни у одной из сторон изначально не было выбора. Нашего согласия никто не спрашивал. Судьба оглянулась, пошарила по окрестностям, нашла несколько разнополых особей с потомством и зашвырнула их в одно место, предположив, что в одиночку они по совокупности факторов и свойств пропадут, а вместе должны выжить. И союз оказался на удивление прочным. Коллективно решались все проблемы, кроме смерти и чего-то столь же непоправимого.

Пару эпизодов коллективной семейной жизни не грех и привести. Самый первый и такой важный для меня лично — из раннего периода. Когда моей дочери исполнился год, бывший муж решил наконец ее повидать. Договорились встретиться во время прогулки у Бородинской

панорамы, в скверике. Я уклончиво отвечала на вопросы о том, куда мне приспичило идти одной, потом Лидка расколола меня, сделала хмурое лицо и заявила:

— Иди, я там вокруг погуляю.

— Зачем?

— Мало ли...

Мы встретились с мужем, интеллигентно побеседовали в течение десяти минут, потом я вернулась к Лидке, которая к тому времени описывала уже второй круг вокруг панорамы, выполняя роль группы прикрытия.

— И что? — спросила она сквозь зубы.

— Да ничего... Дочку повидал.

— Денег дал?

— ?

— Понятно,— отрезала Лидка. И с тех пор никогда более вопросов о бывшем втором муже не задавала. Но, собственно, его с тех пор никто и не видел,— как и бывшего первого, впрочем... (Хотя какие-то небольшие деньги бывший второй муж, как ни странно, временами присылал — естественно, до начала гиперинфляции...)

Второй эпизод связан с Лидиным мужем Вовкой. Вовка с соседями придумал сделать общий тамбур на лестнице, где бы лежали всякие лыжи, ботинки, велосипеды и проч. Стенку благополучно возвели. Поздно вечером позвонила Лидка и испуганно сообщила, что мужу снесло чердак и он собирается крушить стенку. Для чего уже достал кувалду и примеряется, где нанести первый удар. И не вызвать ли ей психоперевозку, пока он чего не натворил...

Высоцкие взяли меня в помощь и отправились вязать взбесившегося мужа.

Действительно, как в истории об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче, Вовке показалось, что сосед обделил его метром площади. Стенку проложили ближе к их двери, чем

к соседской. Вовка сидел с кувалдой в руках, как писатель Мисима перед харакири, и втайне надеялся, что его кто-нибудь удержит от этого русского бунта, бессмысленного и беспощадного. Мы — с большим трудом, но без применения грубых успокоительных средств — кувалду отобрали, Коля выпил с ним водки, бунт был подавлен. Но впечатление осталось неизгладимое. Вовка вырос в обеспеченной семье академика-ракетчика, детей было четверо, никто ни в чем не нуждался. Невзирая на обеспеченное детство, у него осталась болезненная готовность отбивать свое кровное у любого, кто на него покусится. Многодетные семьи порождают массу скрытых проблем, я тогда впервые перестала думать всерьез, что большая семья — это очень хорошо. Но при этом на нашу многодетную семью никакие выводы не распространялись. У нас была семья нового типа. Идеологи марксизма, все Карлы, Розы и иже с ними смотрели на нас с небес и радовались.

Был еще литературно-драматический эпизод из жизни Высоцких. Коля уже начал пить больше, чем мог вынести он сам и его жена. Придя с работы, он попытался то ли объяснить, то ли оправдаться, Ирка оттолкнула его. Он упал. Ирка пришла ко мне в крайне задумчивом состоянии, выпила чаю, посидела некоторое время и потом призналась:

— Я мужа толкнула, а он упал, лежит и не шевелится. Я теперь думаю — вдруг я его убила нечаянно? Головой о батарею? Пойдем посмотрим, что ли...

Лесков со своей Катериной Измайловой отдыхали. Я вздохнула, докурила, встала и пошла вместе с ней смотреть, не угробила ли она общего мужа и отца. Высоцкие дети в это время смотрели диснеевские мультики у Лидки, потому что у нас телевизор был почему-то черно-белый. Не потому, что денег не было — телевизоров цветных в нужном количестве не было. Высоцкий муж оказался жив, он благопо-

лучно спал на полу между шкафом и двухэтажной кроватью. Мы его переложили куда положено, и Ирка с детьми ночевала у меня. Обычное дело...

Еще одна общая семейная история — о том, как я завела себе личную жизнь в лице очень известного художника, намного старше меня. Герой романа сам рухнул мне на голову и немедленно начал болеть и умирать у меня дома. На тот момент он являл собой промежуточную стадию между моргом и абзацем в учебнике по истории изобразительного искусства XX века. Когда участковый терапевт намерила у него давление 220 на 180 и произнесла, не глядя мне в глаза, магическое слово «предынсульт», Лидка прибежала ко мне, принесла судно, сделала укол эуфилина и, вздрогнув, спросила:

— Галя, опять?..

И мне стало дурно. Великий график вынужден был выздороветь, но судно я еще долго не убирала...

Девки ужаснулись моему выбору, но попытались как-то смягчить удар, то есть не в лоб говорили «зачем оно тебе надо?», а как-то намеками. Им было неудобно.

Вовка же настолько впечатлился, что полез в свои гэбэшные закрытые досье, чтобы посмотреть, не аферист ли этот человек и не хочет ли он причинить Галечке непоправимый урон. Выяснил, что в архивах КГБ мой сердечный друг фигурировал. Во времена своей прежней славы он пил и гулял с кем придется, однажды закорешился с какими-то французами, за которыми ходила наружка. И еще что-то безобидное он там вычитал, о чем мне и доложил, пока никто не слышал.

В общем, справки навели, контакты проверили, Лидка велела мне сдать анализы — и все, что нашла, потом сама же и вылечила... А дальше они еще года три терпели мою трудную любовь и даже начали понемногу привыкать. Художник начал новую жизнь, перестал пить, стал зарабатывать

большие деньги, делал у себя в квартире ремонт и подробно рассказывал Ирке про стадии этого процесса. Три года над нами витала тень большого искусства, престижных премий, капельниц и «скорых» по ночам.

Потом я с облегчением осталась одна. Семья умерила попытки устроить мою личную жизнь, потому что поняла, что ничего более достойного я уже не найду, а Боливар двоих не вынесет. Судно я спрятала подальше... Но это произошло только в конце 96-го.

А в 93-м, о котором сейчас речь, параллельно с большой жизнью большой распадающейся державы у нас шла маленькая, частная жизнь. Росли дети, болели и умирали родственники. Лидка, верная своей гиппократовой карме, последовательно ухаживала за бабушками-дедушками, всех держа с капельницами у себя под боком. Ее свекровь к тому времени сломала шейку бедра и окончательно перестала двигаться. У Иркиного отца в Ярославле случился инсульт — ровно в первый день после выхода на пенсию: жить без работы советский человек не мог и не хотел... У меня долго болела бабушка, пережила два инсульта. Лекарств за деньги еще не было, а по бесплатным рецептам уже не было. Деньги-то были — магнезии не было... Мы передавали судно друг другу как эстафету. Бабушка умерла летом 93-го, а осенью случился второй путч.

В дни путча у меня был день рожденья, стригущий лишай и комендантский час. Лишай привезла дочка с дачи от соседской кошки, комендантский час ввели нарочно, чтобы гости не пришли. Отмечали праздник скромно, опять же дружной шведской семьей. Я успела получить зарплату, но не успела до комендантского часа за жратвой, мужики пили водку и закусывали сухарями. Да-

мы же пили чай без сахара. Это было мое 33-летие. Земную жизнь пройдя до середины...

Но в тот путч было уже страшно. Мы сидели у Ирки вечером и смотрели телевизор, в котором последовательно отрубались все каналы и остался только Гайдар с трясущимися губами. Коля Высоцкий гостил в Америке у родственников и смотрел то же самое по CNN, и тоже боялся за нас, остававшихся здесь. Еще очень сложно оказалось убедить наших одиннадцатилетних пацанов не ходить смотреть войнушку... Потом Кутузовка была еще несколько недель разрыта танковыми гусеницами, долго пахло гарью и никак не заживали следы от автоматных очередей на Новом Арбате. Потом начался новый виток инфляции, от которого никто долго не мог опомниться.

Когда вдруг перестали кормить подвластные мне ремесла, я стала лихорадочно соображать, что я еще могу делать хорошо, и вспомнила, что умею плавать. Мои друзья в Питере тогда работали каскадерами на «Ленфильме», падали в воду и горели на съемках Джеймса Бонда, их рассказы и заработки страшно впечатляли. Весной 93-го я решительно отправилась на курсы подводных каскадеров «Акватрюк». Проучилась два месяца, как раньше — вокалу. Два месяца — какой-то стандартный временной отрезок без неприятностей, который я могла посвятить чему угодно — учебе, например. Романам. Творчеству. Всему... Я сдала контрольные проныривания и сальто, должна была приступить к отработке падений с моста. Тут сначала у кого-то из детей заболели зубы, а потом у бабушки случился второй инсульт, потом приглашали на съемки, но сидеть в массовке целый день в холодной воде не позволяли придатки и ущемленные нервы... Потом случились каникулы, а осенью 93-го инфляция придушила так, что о любых дополнительных расходах пришлось забыть. Каскадерская карьера уш-

ла за горизонт, разместившись там рядом с бардовской. Ласты пришлось отложить на семь лет.

Может, и к лучшему. Лидка выслушала описания моих занятий, с сомнением подняла бровь и спросила:

— У тебя второе судно дома есть?

— Зачем?

— Ты с моста упадешь, позвоночник сломаешь, а второго судна у нас в хозяйстве нет...

— А почему я позвоночник сломаю?

— Потому что он у тебя и так убитый...

В общем, мои скромные достижения в подводном плавании уходят корнями в глубокое прошлое.

Это был момент, когда Лидка отдавала какие-то долги от прогоревшего малого бизнеса, а я ей давала тушенку из заначки, чтобы материально поддержать. Лично у меня не было ни денег, ни долгов — чем бы я могла их отдавать. Рынок декоративно-прикладных изделий стремился к нулю — к нам перестали ездить, все испугались гражданской войны, больше мне заработать было нечем, в знаменитой газете платили копейки. Помню, как мне дали к новому 94-му году зарплату и премию, на всю эту сумму в тот же вечер мы купили детям две пары хороших очков — и все... Впервые в жизни я реально не знала, чем завтра буду кормить семью. Кто-то предлагал нам продать квартиру на Кутузовке и поехать в Выхино... обещали целых двадцать тысяч не помню чего... Зато пришлось мобилизовать скрытые резервы.

Оказалось, что моя основная профессия тоже под угрозой: никто не прыгает больше с гранками, строкомерами, макетными листами и тушью с пером, а газеты теперь умные люди делают на компьютерах «Макинтош». Пришлось уйти работать в газету «Коммерсантъ» и начать с нуля.

Работать на компьютере было поначалу страшней, чем падать с мостов. «Мак» изъяснялся со мной по-английски, а

я учила в школе французский... Зато спасала музыкальная беглость пальцев и ужас нищеты, стоявшей за спиной последние полгода. Страх — самый мощный стимул. Год или полтора я прожила в страхе потерять эту работу, потом пришло необходимое мастерство, но страх никуда не делся. Он и сейчас живет в спинном мозгу. И не позволяет купить в магазине свитер за 30 долларов, если на улице похожий стоит 10... Мои дети смеются надо мной, я не обижаюсь. Мы совки и совками умрем. Пусть только они никогда не узнают глубинного смысла слова Совок — оно означает Страх.

Колька Высоцкий занялся бизнесом всерьез, пошел в гору — и одновременно начал пить больше, чем могла вынести печень. Ирка далеко не сразу объяснила нам, что у мужа проблемы с выпивкой. У кого в этой стране, собственно говоря, не было подобных проблем? Постепенно стало ясно, что проблема нерешаемая.

Коля попал в тот капкан, который часто захлопывается за преуспевающими на первый взгляд деловыми мужиками: чем больше работы — тем больше нервовотрепки, стресс выпивкой не снимается, а загоняется внутрь, дальше начинает жрать изнутри сильнее и сильнее... Мы слишком поздно поняли, в чем дело.

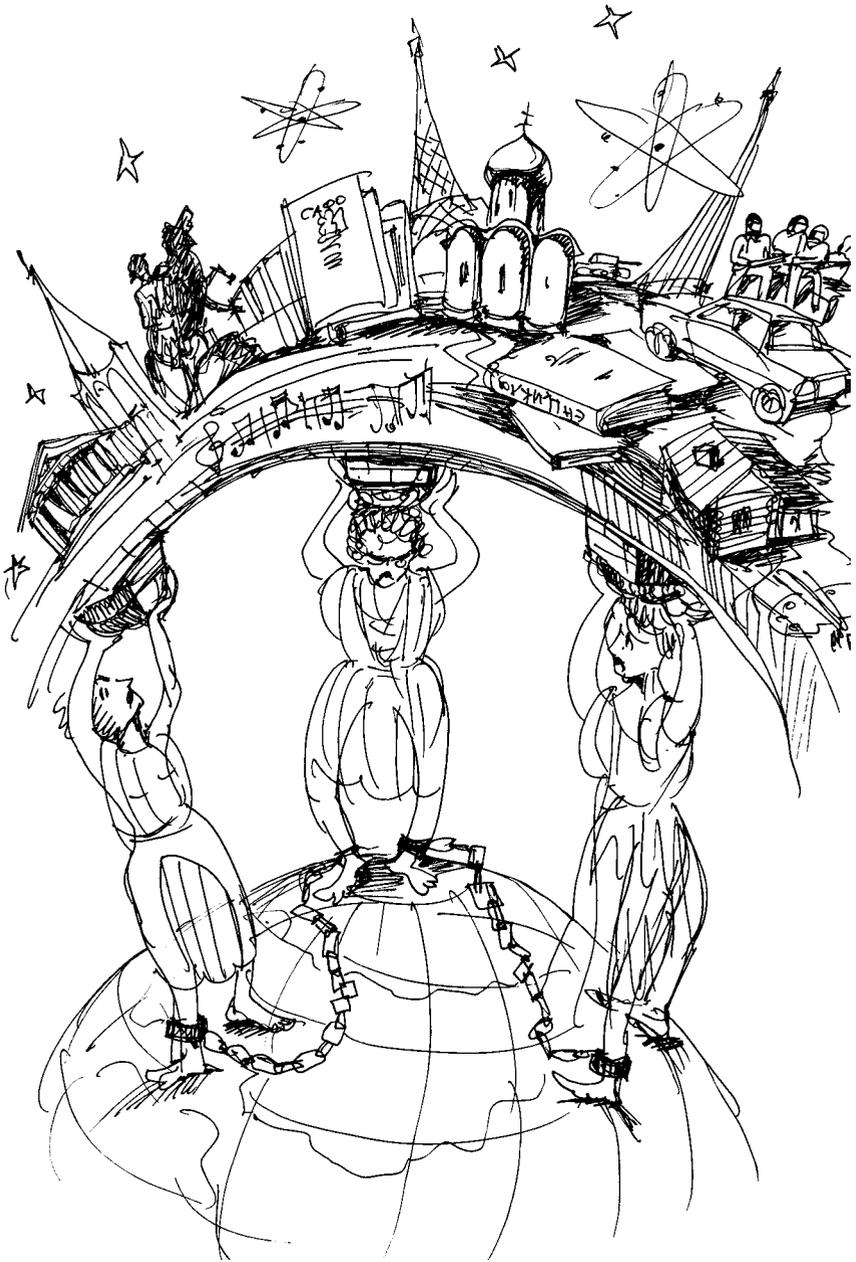
Уйдя с работы, чтобы заниматься детьми, Ирка попала в аналогичный капкан. Капкан для жен преуспевающих мужиков, состоящий из проблем с детьми, которые никого не интересуют, и мучительного ожидания, в каком виде придет домой муж.

Теперь выросла новая генерация молодых женщин, которые занимаются домом и детьми, отродясь нигде не работали и вполне комфортно себя ощущают в материальной зависимости от мужа-бизнесмена. Но мы-то были — стопроцентные совки! Ирка — советская женщина, как я или Валентина Терешкова, сидение дома и ожидание мужа

явилось для нее слишком тяжелым испытанием. Она не на это подписывалась, когда замуж выходила. Ирка мучилась, жрала сама себя поедом, и хуже от этого было всем. В то же время она ухитрялась — одна-единственная из нас — действительно заниматься детьми. В классическом понимании. То есть ездить с ними на экскурсии, сушить волосы после бассейна и заплетать косички, читать с ними книжки и играть в умные игры... А под внешним благополучием клубились inferнальные страсти, не находившие выхода и постепенно лишавшие их союз жизненных сил. На фоне растущего благосостояния семьи Высоцких в целом отдельно взятую Ирку плющило и колбасило — просто мы тогда не знали, что это так называется... Современный новояз при внешнем кретинизме очень точно описывает многие жизненные процессы. Знали бы — может, раньше бы задумались. Коллективным бессознательным разумом...

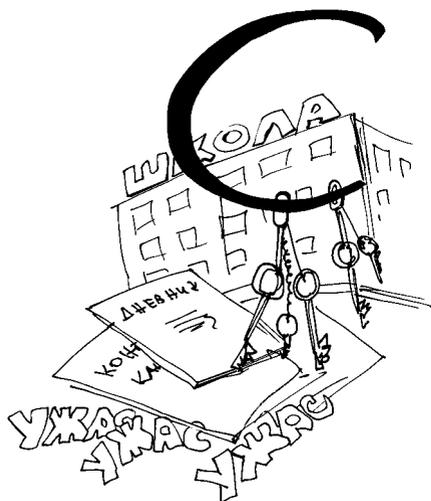
Лидка стала работать в двух-трех местах, как, впрочем, и остальные. Меньше трех мест работы у нас с тех пор не бывало. Лидкин муж — офицер и математик-программист — вышел в сорок пять лет в отставку и не прилагал особых усилий к поискам работы, почему-то полагая, что его позовут и начнут тут же много платить... Он сделал несколько вялых телодвижений в сторону трудоустройства, а потом сел на кухне, стал читать газеты и ждать перемены участи. Лидка вынуждена была исправно работать на унитазах.

Началась совсем другая жизнь. Если до этого нас еще иногда одолевали какие-то личные проблемы разного свойства, то теперь личная проблема была одна: заработать. Сейчас. И завтра — тоже заработать. Мы опять уперлись носом в дерьмо, теперь уже в другое, и опять не поднимали глаз. А мне еще хотелось устроить свою личную женскую судьбу. Историю с художником я упоминала. Искать другое было некогда. Главное, что потом стало уже и незачем.

7. Жизнь переходного периода,

или Надень шапку, возьми ключи!
1994–1997 гг.

уществует Институт экономики переходного периода, руководимый Гайдаром. Экономика еще кого-то интересует, а жизнь в условиях того же самого периода как бы и не рассматривается. А ведь это была наша жизнь. Наша собственная. Мне в 93-м исполнилось 33. Возраст самопознания, духовного перерождения и окончательного выбора пути. Остальные

были постарше лет на пять-семь, но ломка настигла и их. Мы сделали свой выбор. Только путь оказался иным, нежели его можно вообразить... Мы не успели оглянуться, как превратились в совершенно других людей: вчера еще были кроманьонцами, а сегодня стали неандертальцами.

Не берусь описывать отдельные эпизоды смурных и шальных лет. Можно выделить только два события, сцепленные между собой: переезд Ирки с Колей в отдельную квартиру, сильно ослабивший общие позиции, и нелепую раннюю Колину смерть в 95-м году.

Коля был первым, кого доломали внешние факторы. Он бы умным, тонким, способным и до крайности ранимым человеком. Как прочие советские мужчины, он знал только

один способ борьбы с душевной смутой. И поскольку делал все от души, то и пил так же. Не имеет смысла уже теперь говорить о том, сколько бы он еще прожил, если бы не... Вероятно, душа была надломлена сильнее, чем печень. Интеллигентские комплексы, нерешенные родительские проблемы, собственный кризис середины жизни, чумовые заработки — это могло добить любого человека, даже очень сильного. А он не был слишком сильным. Успел построить новый дом, успел сделать семье «двушку», пусть и малогабаритную, меньше чем за месяц до смерти свозил их на Канары — и все. Мы еще успели посмотреть видеозапись поездки вместе с ним...

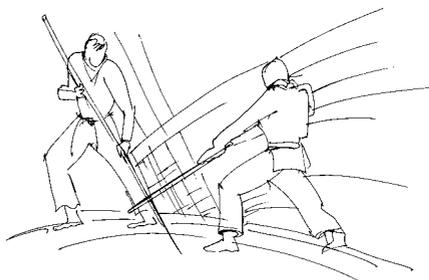
Его уход стал для нас шоком. Именно тогда мы почувствовали себя Семьей в полном смысле этого слова. И эта Семья осиротела.

Похороны отмечены были еще одним абсурдным совпадением: ровно за пять минут до выхода из дома я услышала звук льющейся воды. Наверху производили один из первых евроремонтов, старый стояк не вынес подключения джакузи. С потолка хлестал кипяток. Мы с отцом переглянулись, он мрачно пожал плечами, убрал черный костюм обратно в шкаф и пошел за слесарем. А я поехала хоронить Колю.

Мы иногда жалели, что Высоцкие уехали из нашего дома. Кто знает, как сложилась бы жизнь, если бы все оставались рядом... Но жизнь не знает сослагательного наклонения. У нас были общие дети, которые вместе ходили в школу, их надо было отвозить и забирать по очереди, вахта продолжалась. У часовых не было смены. Приказа «Выжить!» никто не отменял.

Потом Ирка мучительно долго приходила в себя, ей потребовалось несколько лет, чтобы опять стать прежней, деятельной и энергичной. Никто не знает в полной мере, какую цену она заплатила за свое возрождение. Когда теперь

она сидит у себя на даче и часами возделывает альпийскую горку, седые сэнсэи кажутся мне детьми рядом с ней и с ее способностью к созерцанию. Потому что за эту способность слишком дорого заплачено...

Через много лет, как уже упоминалось, меня окружили самураи, понесли кассеты и книги про боевые искусства. В частности, я прочла воспоминания знаменитого бойца Йона Блюминга. Он вспо-

минал, как в молодости не мог понять старого японского мастера, находившего наивысшую радость в уходе за своим садом. И только в свои семьдесят, будучи уже сам наставником мастеров, пройдя войны, тюрьмы, беспредел, бои без правил и больницы, переломанный и перебитый Блюминг начал находить наслаждение в уходе за садом и созерцании этого чуда.

А Ирке, чтобы достичь состояния «дзен» в созерцании своего сада, понадобилось всего ничего:

- прожить десяток лет в коммуналке;
- родить двух детей;
- похоронить мужа в 40 лет и остаться без денег и работы;
- начать зарабатывать больше среднестатистического мужика;
- выучить и вырастить детей до совершеннолетия;
- и не рехнуться.

Даже если вокруг все начнет рушиться, Ирка будет ровнять свой газон до идеального состояния, а потом пойдет поливать свои цветы. Она добудет воду из-под скальных по-

род, заставит всех вокруг лечь костьюми — но газон будет выкошен, а цветы политы. «Треугольник будет выпит — будь он параллелепипед». Высоцкая-сан — рэй!

В процессе выживания выяснились любопытные вещи. Каждая из нас от безысходности рыла носом землю в поисках заработка и незаметно стала крепким профессионалом в своей области.

Лида, правда, еще пыталась заниматься бизнесом, в процессе чего даже был выучен итальянский язык, но сами понимаете... Ирка не могла выйти на работу, пока чуть-чуть не подрос младший Коля, поэтому она несколько лет убиралась в богатых квартирах. Еще пару лет она регулярно была разводящим на своей даче, куда приезжали погостить на каникулы младшие дети. А потом вернулась в родной «Мосинжпроект» и пашет там, и пашет, а Москву перекапывают и перекапывают — наверное, чтобы Ирка могла не волноваться за свой заработок... Я даже никогда и не пыталась что-либо продавать, помимо собственных рук, — правда, за хорошие деньги. Мы советские женщины, мы умеем только то, что мы умеем, зато это мы умеем хорошо. На том и стоим.

Запомнился мне еще период, когда Лидия Аркадьевна продавала то «Гербалайф», то еще какую-то хрень наподобие оного, честно пробуя все на себе. Я давно говорю, что Луи Пастер против нее — сопляк, и периодически предлагаю покушать холерную вакцину, как последнее средство, не опробованное лично на себе. Но за холеру денег не платят. А остальное она на себе уже перепробовала.

Надо отметить, что мы всегда активно пользовались ее тягой к естествоиспытательству. Все болезни, диагнозы и прочие медицинские проблемы мы с радостью перевешивали на Лидкины плечики. Она диагност и клиницист от

Бога, благодаря ей многие друзья и родственники до сих пор живы и здоровы. Годами у нее сохранялся устойчивый рефлекс ощупывать головы всех входящих в дом на предмет поиска вшей — медработников регулярно привлекали для подобных осмотров во всех детских учебных заведениях... Потом Лидка изучила гомеопатию, отчего все поголовно вокруг стали пить шарики из белых коробочек. Потом она освоила гирудотерапию, то есть лечение пиявками. На пиявок уже соглашались только полные отморозки. Лично я ей завещала свое тело для любых экспериментов, но только после смерти.

Узавспомнился мне еще момент, когда почему-то у всех в одночасье образовалась посуда «Цептер». Моя одноклассница, приехавшая году в 96-м из Атланты в гости к родителям, спрашивала меня в отчаянии:

— Почему люди покупают посуду за полторы тысячи долларов? Сковородка не может стоить 300 долларов! Я покупаю сковородку за 3 доллара и через год ее меняю, мне 300 долларов хватит на 100 лет! Почему они пьют «Гербалайф»?

А я объясняла ей, что никто его не пьет, а все его продают друг другу. И «Цептер» тоже все друг другу продают, поэтому все его и покупают. А конечный результат вообще никого не интересует. Важен процесс. Мы втянуты теперь в мировой рынок, пусть она из своей Атланты глаза разует да ширше посмотрит на мировую экономику... Не убедила.

Высоцкие выплачивали деньги за свой сервиз в несколько приемов, полностью «Цептер» был впервые использован на Колиных поминках. Посуда оказалась и впрямь более вечной, чем ее владельцы.

Наша более поздняя подруга Таня в этот момент вместе с невесткой шила детские комбинезоны, не хуже фирмен-

ных, пришивала к ним лейблы, потом невестка стояла и продавала их в Лужниках, а Танин муж — полковник разведки в отставке — ходил в тулупе и ушанке, изображая «крышу»... Еще они разводили на даче кур, играли на бирже, пытались торговать икрой и сдавали квартиру аферистам, которые потом не платили за жилье и вывозили их же собственную мебель...

Не следует забывать, что Высоцкие на первые же большие деньги купили таймшер. А Лидка умудрилась отнести деньги в знаменитую фирму «Властилина». История с таймшером перетекла в двадцать первый век, там следы ее наконец затерялись...

Только я никому ничего не носила и не отдавала. Зато я регулярно давала займы кому-то более нуждающемуся. Вернее, кому-то, кому проще было занять, чем заработать. Некоторые тысячи не отданных мне долларов тоже остались в прошлом тысячелетии. Да и вообще — мы же с детства знали, что существует триста честных способов отъема денег у населения. Проходили их на собственной шкуре. Теперь знаем, плавали. Ничему не научились. На том стоим.

А еще сумасшедший период до с 94-го по 97-й год запомнился судорожными проявлениями материнского долга. Сколько бы мы ни работали, какими мы бы ни были ехиднами, а дети требовали внимания.

Внимание начиналось утром с дежурного вопля вдогонку уходящим чадам:

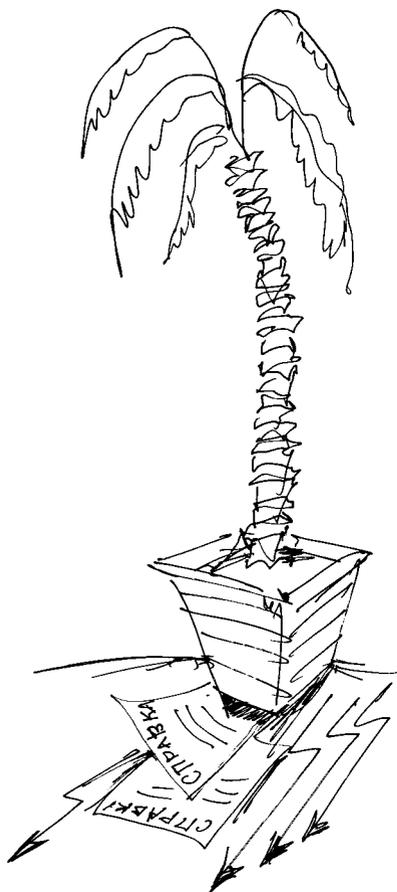
— Надень шапку! Возьми ключи!

Независимо от выполнения этих указаний, материнский долг на данные сутки можно было считать выполненным. Дальше в течение дня осуществлялось дистанци-

онное телефонное воспитание, состоявшее приблизительно из двух слов:

— Немедленно прекрати!

Лидка еще ретранслировала мысль о необходимости сделать уроки, мне подобный волюнтаризм не присущ. Я приходила настолько поздно, что наличие или отсутствие домашних заданий уже ничего не решало. Еще были, правда, контурные карты — но кто же из родителей не рисовал их среди ночи?.. Это, к сожалению, неотъемлемая составляющая материнского долга. Но достаточно заурядная.

А вот один из выдающихся эпизодов саги о материнском долге — давно обещанная история про пальму и бассейн.

Мои взаимоотношения со справками и прочими казенными бумагами общеизвестны. Но тут случился эксклюзив. Мы ходили в бассейн всей кучей. Перед покупкой абонементов требовалось предъявить справку от врача. Лидка добросовестно написала справки себе и мне, а справки детям получала я лично у участкового педиатра. Она была не Бог весть какой доктор, но справки писать умела и бумаги не жалела. Я принесла шесть законных справок и выслала Лидку вперед, в

очередь, которая широко раскинулась в холле бассейна. Сама же с детьми присела в уголочке, чтобы находиться подалеже от казенных бумаг. Через какое-то время детям стало скучно, они пошли посмотреть, когда же наконец... и пришли со следующим текстом:

— Тетю Лиду пальмой бьют!

Мы ринулись на защиту. Статная дама-администратор объясняла Лидке, что справки никуда не годятся и написаны в коридоре под копірку. Лидка, покраснев как рак, кричала:

— Да что вы говорите! Я сама медработник!

А дама-администратор кричала ей в ответ:

— Женщина, как вы себя ведете! Уходите с вашими липовыми справками!

Лидка не отступала и стремилась зажать даму в ее углу, между столом, где лежали абонементы, и большой пальмой в кадке. И пыталась подтвердить кровью подлинность справок... Тогда дама-администратор возопила:

— Женщина! Отойдите! Вы мешаете работать!

И решила загородиться пальмой. Она без труда отодвинула огромное растение и стала толкать кадку в сторону Лидки. Лидка пыталась сопротивляться, но пальма была намного больше и выталкивала ее с занятого плацдарма...

Побитая пальмой Лидка кинулась в дальний темный угол, достала бланки из женской консультации, написала на них справки про яйца глист, которых не обнаружено во время гинекологического осмотра, и нечеловеческим усилием вырвала проштампованные абонементы из рук воительницы. Подошла ко мне и змеиным шепотом просвистела:

— Никогда больше с тобой никуда не пойду! Никогда меня пальмой не били!

Я плелась за ней и пыталась оправдываться, клялась, что справки написаны подлинной рукой участкового педиатра... Но Лидка метала молнии и не отвечала. Больше мне никогда не доверяли добывание важных бумаг. И слава Богу.

С тех пор утекло много воды. Я научилась нырять. В Египте много раз бывала в одном и том же дайв-центре, в одном и том же уютном отеле. В холле стоят высокие пальмы в огромных кадках. И бассейн там тоже есть... Каждый раз, стоя возле стойки администратора с паспортом и прочими бумажками, я спиной чую наличие пальм и против воли напрягаюсь. И каждый раз Лидка спрашивает меня после поездки, разглядывая фотографии: «Пальмой-то не били?..»

Через несколько лет моя дочь подавала документы в институт, ей потребовалась форма 86, и не только ей. За справками мы — под руководством Лидии Аркадьевны — втроем пошли в поликлинику, к замглавного врача, и та за умеренную плату выписала троим очень правильные формы 86. Естественно, после подачи документов мне позволила дочь и медленно, со сдержанной яростью произнесла:

— Твоя справка оказалась неправильно оформленной. Даже теперь и даже за собственные деньги ты не можешь сходить за какой-то бумажкой...

Крыть было нечем...

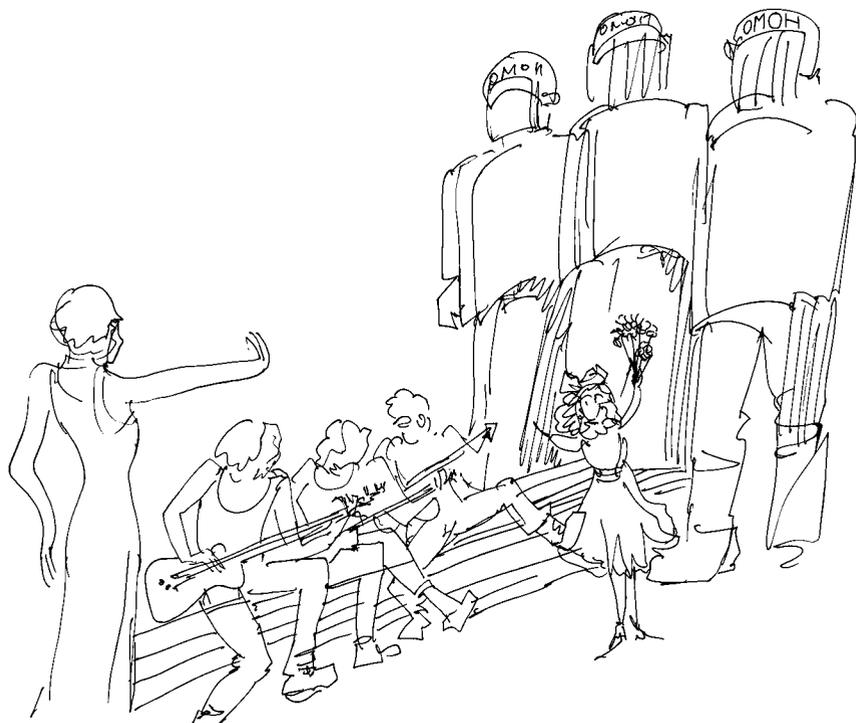
Другой эпизод саги о материнстве — это старшая Высоцкая в роли меня. Она вообще часто выступала в моей ипостаси, поскольку я уже все время работала: сутки, двое, трое, как получится, пока бабло несут — от компьютера не отойдешь. Но обычно Ирка являлась мамозаменителем для моей дочери. А тут попался ей на глаза мой старший, который уже достиг раздражающего всех возраста с прыщами и ломающимся голосом, но еще не начал одеваться по моде и бегать за девками. Поэтому дезодорантами еще не пользовался, «Кензо» не поливался, руки мыл раз в неделю, а голову — и того реже. Я натыкалась на него

только по вечерам, если не очень поздно возвращалась, и при электрическом освещении совсем не обращала внимания на цвет рук, ногтей и прочие мелочи. «Двоек нет? Деньги нужны?» — и все. А Ирка однажды увидела его при свете дня, обратилась ко мне за поддержкой, поняла, что тут материнских чувств не пробудить, уж поздно, — и буквально силой загнала Колю в ванную, где стала мыть ему голову. Коля был уже выше меня, но пока меньше и слабее Ирки. Он завывал, скулил, корячился и вырывался, но был отмыт в верхней части и отпущен — под угрозой, что завтра заставят вымыть ноги...

А еще общие дети ухитрялись зарабатывать сотрясения мозга — правда, к счастью, редко, — болеть всякими ветрянками и краснухами, не надевать шапок, терять ключи, ложиться спать, заперев двери так, что родители не могли войти в дом, попадать в больницы, терять дневники, прогуливать школу, влюбляться, ссориться и мириться... А еще были попадания в милицию, репетиции рок-группы в квартире и приезды нарядов ОМОНа... да что нам ОМОН?

На десятилетие Ирки-младшей у них дома собрался весь класс. Я, как водится, работала, из родителей там оставалась только счастливая мать и еще одна мамочка, которой некуда было податься. Они забились в кухню и пытались там жить, пока класс разносил в щепки малогабаритную двушку. Соседка снизу отличалась чувствительной нервной системой. Она позвонила в милицию и, видимо, сгустила краски. День рожденья младшей Ирки приходится аккуратно под ноябрьский красный день календаря. Милиция в 96-м году боялась выезжать на буйные сборища, туда сразу выслали наряд ОМОНа.

Как положено, в шлемах, с автоматами, дубинками и щитами ОМОН вломился на лестничную площадку по стан-

дартной схеме — двое у двери, еще двое у выхода на черную лестницу, дверь плечом, первый пошел! — и т.д. Им открыла счастливая мать, молча указала на причину вызова. Говорить было бессмысленно — гремела музыка и все кричали. Навстречу выкатилось взмыленное стадо десятилетних детей. Старший омоновец замолчал, дико оглянулся, жестами поздравил именинницу — метким взором определив ее по самому красивому платью — подарил ей конфетку из кармана, дал команду отходить, ОМОН убрался восвояси.

К нам домой ОМОН приезжал лишь один раз, когда Коля и его верная рок-группа «Гавнопад» репетировали перед концертом с использованием ударной установки. Я предусмотрительно ушла на работу на сутки. К моему возвращению ОМОН рассосался и репетиция закончилась.

Дежурный уже рефрен — через много лет... Попав в мир восточных единоборств, я регулярно слушаю разнообразные байки прославленных самураев об их непустячной бойцовской биографии. О ком-то — кого мы не любим — однако же говорили с уважением:

— Он тренировал московский ОМОН...

И тогда человек, сидевший по соседству, вздохнул и мрачно добавил в пустоту:

— Кто только не тренировал московский ОМОН...

И мы тоже по-своему тренировали московский ОМОН. Потом дети выросли, и ОМОН больше не приезжал. Как говорится, «Алиса здесь больше не живет...»

А еще осенью 96-го случилось крохотное и незаметное, но знаковое событие в нашей частной, никому не интересной жизни. В моей квартире стоял спортивный уголок, который был собран народными умельцами из крашенных отрезков труб, шесть детей поочередно по нему лазили, висли, как бандерлоги в мультфильме «Маугли». Девчонкам исполнилось по 10 лет, на общем дне рождения в моей квартире носилось человек пятнадцать, они прыгали с потолка на пол — и вдруг стало ясно, что уголок больше не выносит совокупного детского веса. Старшим было уже по 14, и когда они по утрам подтягивались, остатки железных тросов лопались. Уголок разобрали. Детство стремительно заканчивалось.

Мы не успели толком его заметить. От этого периода у нас дома практически не осталось фотографий. Их отсутствие говорит о многом... Потом у всех появились «мыльницы» и домашние альбомы. Но дети уже окончательно перешли из младшего в средний школьный возраст. Мы поднимали голову, когда заканчивался очередной учебный год, летом металась на дачи с неподъемны-

ми сумками, потом начинался новый учебный год и с ним — новый виток инфляции...

В нашей системе приоритетов дети всегда останутся на первом месте. Но я сознательно не пишу о них. Это их собственная жизнь, они расскажут о ней сами, когда придет время. Речь сейчас о другом.

О том, что у моих ровесников отношения с детьми совершенно иные, чем в нашем детстве. Между нами и родителями была всегда большая и ненарушаемая дистанция. Они стояли на пьедестале, а мы, задирая голову, пытались как-то достичь этих человеческих высот. Они посвятили жизнь любимому важному делу, а мы тут какой-то херней заняты... Их дорога уж точно вела к храму, а мы вечно в дерьме ковыряемся...

Мои ровесники стремились эту дистанцию между собой и детьми свести к минимуму. Жизнь приплющила нас в те годы настолько, что на соблюдение каких-либо межвозрастных субординаций не было сил. Дети были товарищами, просто младшими по званию. Они безропотно принимали на себя недетские проблемы, которые мы на них навешивали. Постепенно выяснилось, что нас уже не пятеро, а одиннадцать. Практически группа немедленного реагирования.

Сейчас я вдруг сообразила, что ни один ребенок ни разу не ездил ни в какой лагерь или подобные учреждения для содержания детей под стражей. Один раз Высоцкие отдали детей летом в выездной садик — чтобы успеть сделать ремонт на только что купленной даче-развалюхе, где не было крыши. Через три дня дети заболели ветрянкой, их пришлось тут же забрать, и ползали они в зеленке у родителей под ногами. Ирке одного раза хватило.

Я тоже однажды попыталась отправить их в лагерь и в выездной детский сад. Потому что — помните истории про несостоявшуюся бардовскую карьеру? — меня пригласили на гастроли в Югославию... Я даже добыла места в садике и в лагере, но туда надо было, как водится, собрать миллион справок. Последний из десятка требуемых анализов на какие-то кишечные палочки вдруг показал положительный результат, я все прокляла, добывая дефицитный лактобактерин — на заводе в Подмосковье, под чужим именем, по чужому списку. Никто никуда не уехал. Мне тоже хватило. Я работала, дети торчали одни на казенной даче. А в Югославии как раз летом началась гражданская война, карьера барда и музыканта опять не удалась...

Только Лидка детей никуда не пыталась отправить — у нее были еще относительно молодые родители, которые внуков на лето забирали.

В общем, никто из детей, к счастью, даже не понюхал несвободы. Они росли рядом с нами, летом бывали предоставлены сами себе, чистили зубы, когда хотели, и ноги мыли, только когда сильно запачкаются, ложились спать под утро и вставали к обеду, ездили купаться и жечь костры хрен знает куда и отлично научились сами покупать продукты на оптовых рынках.

Конечно, мы догадывались, что нельзя всегда работать, потому что незаметно перестаешь понимать, ради кого и ради чего ты работаешь, причина и следствие меняются местами. Но если ты работал мало — ты как профессионал не был интересен никому, соответственно, и денег бы тебе платить никто не стал. Приходилось работать много. Дети и пользовались свободой как могли. В Америке нас давно бы лишили родительских прав...

Когда я вспоминаю те годы, то в полной мере осознаю смысл классического выражения «росли как трава придорожная». Не видела этого моя прабабушка Евдокия Васильевна, которая во все войны и послевоенные периоды двадцатого века работала в комитетах по борьбе с беспризорщиной... Все жители околицековского квартала в Китай-городе ходили у нее по струнке, невзирая на должности, и организовано помогали никому не нужным детям. Попались бы ей на глаза собственные праправнуки, которых то чуть баржа в канале не утопит, то ментовская машина ночью заберет... Может, она бы организовала в помощь нам какой-нибудь комитет? Но комитеты к тому времени уже прочно отменили. А иногда все же по ним тоска одолевает, не правда ли?..

Теперь я понимаю, что мои дети повзрослели и поумнели раньше своих нынешних сверстников, которых опекают и водят за руку до 16 лет. Недавно мы с сыном обсуждали почему-то этот кусок жизни, и я призналась ему в своих тогдашних вечных страхах и в чувстве вины перед ними за отсутствие ласки и внимания. Коля вытаращил глаза:

— Да брось, маманя, ты все правильно делала!

— Спасибо, — ответила я, и тяжкий груз вдруг превратился в тонкую паутину воспоминаний. Теперь я могу об этом писать спокойно

Зато в тот же тошнотворный период первоначального накопления я научилась в ответ на вопрос о работе называть сразу зарплату в долларах. И получала редкое удовольствие, глядя собеседнику в глаза. Я научилась отмечать любые претензии, называя магическую цифру. А в ответ на сложно выражаемую просьбу — поднимать глаза и спрашивать:

— Сколько? — кстати, вопрос, который очень экономит время. Потому что в конечном итоге большинство просьб

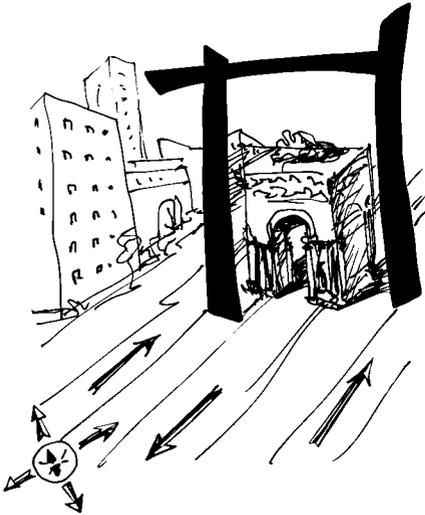
сводится именно к сумме... просто интеллигентные люди с трудом решаются ее озвучить...

Так мы участвовали в строительстве капитализма в России. А что — не хуже Столыпина. Но, в отличие от него, остались живы. И на обломках самовластья, как говорится...

8. Период равноудаления

1998–2000 гг.

ервой дом покинула Ирка. Об этом я уже писала.

Вскоре и Лидкина семейная жизнь стала давать трещину. Не будем вдаваться в подробности, роман со старым другом ее мужа происходил у нас на глазах. Лидка работает в жанре мексиканской мыльной оперы, все, что вам доводилось случайно видеть на экране, она героически воплотила в жизнь. Лидка успешно до-

бралась до двести восемьдесят восьмой серии, пройдя через уходы из дома с чемоданом, ночевки по знакомым, душераздирающие разборки с обманутой женой, жизнь в поездах, других городах и на чужих дачах... Одним словом, то, что положено делать в двадцать, накрыло ее в сорок, — потому что до этого времени у нее вообще не было никакого личного времени. Первый развод не считается, она его толком и не заметила: собрала вещи, оставила мужу квартиру, взяла ребенка да пошла. А здесь уж больно много образовалось отягощающих обстоятельств с обеих сторон: дети, мужья, жены, родители, квартиры... Донья Кончита, вы знаете, что об этом сказал Хуан Карлос?..

Ирка, напротив, женщина из фильмов великих русских и американских кинорежиссеров, трагическая героиня ти-

па персонажей Мордюковой. «Любовь земная», «Тени исчезают в полдень» и т.п. У нее и стать такая же, и скулы как у Авы Гарднер. Она в молодости похоронила одного возлюбленного, потом вышла замуж за его друга, нарожала детей и похоронила впоследствии и его. Если бы Софокл был жив, он наверняка написал бы о ней еще что-нибудь. Просто жизнь — изощренный драматург, а Ирка — внимательный зритель и уже догадалась, про что будет следующая пьеса. Заглядывать в Книгу судеб лишний раз она уже не рискует — с тех пор, как медсестра в детской поликлинике, обладающая даром предвидения, напророчила ей смерть близкого родственника... Поэтому Ирка с тех пор одна. Может быть, ей не всегда весело, но значительно проще. А сменить жанр она почему-то не попыталась.

Про меня и речи нет, мой совокупный стаж семейной жизни с разными людьми — не только с мужьями — составляет три с половиной месяца... Я вовремя переключилась на разные экстремальные виды спорта. Решила, что все целее будет...

*Общий командный результат
в разряде «Личная жизнь»:*

- одна — третий раз условно замужем;
- другая — вдова;
- третья — как была одна двадцать лет назад, так и сейчас одна.

Романтические эпизоды в зачет не идут.

Притом у каждой двое детей, уже взрослых на данный момент, и есть уже буквально общая внучка. Лидкина дочь, как и положено дочери гинеколога, вышла замуж во время школьных экзаменов, будучи уже изрядно беременной...

Что получается, господа присяжные? Еще размножаться в этой стране мы как-то научились, а прожить всю жизнь ря-

дом с любимым человеком и умереть в один день никому не удалось. Вероятно, нас воспитывали действительно как советских женщин, которые должны всем и все. Но не объяснили вовремя, что мужчины нужны еще для чего-то, кроме процесса размножения. Потому что остальное мы умеем сами.

Обратите внимание: у наших родителей классические дружные семьи, Лидкины мама с папой вообще недавно отметили золотую свадьбу. Сплошной положительный пример. Может, на нас природа отдыхает? Три тетки из нормальных семей, с высшим образованием, книжки в детстве читали одни и те же. Может, все дело в книжках? Может, именно в них?..

Когда дети подросли, болезни и смерти вроде кончились, заработки стали немного более предсказуемыми, у нас появилось время на собственную и — в том числе — личную жизнь. Тогда и Лидка немедленно выпорхнула из нашего двора — хотела написать, что на волю, но передумала: двор не был тюремным. Он был блиндажом, откуда нас было сложнее выковырять, чем последнего защитника Брестской крепости. И если они обе оставили наш дом, значит, закончился определенный период биографии...

Мой редактор рядом с этой строкой поставил закорючку и приписал: «Так и хочется добавить: война кончилась». Я решила оставить его комментарий. Война с окружающим миром не кончилась — изменилась ее стратегия. Стратегия, в свою очередь, изменила наши пути в пространстве. Но все в истории закольцовано, причем не специально. Не мир тесен, а тропы узкие... Позднее эти тропы приведут в наш двор Лидину внучку.

В результате перемен в личной жизни и падения цен на квартиры после дефолта 98-го года Лидка переехала. В малогабаритную «двушку», как у Ирки. Дети ее оказались в разных местах: сын — у бабушки с дедушкой, дочь некоторое время оставалась на Кутузовке, потом переехала к матери.

Надо заметить, что процесс становления капитализма привел к парадоксу: почти все мои приятельницы или подруги, которые во взрослом состоянии заводили себе новую личную жизнь, уходили сами и оставляли жилье бывшим мужьям. Хотя вроде должно быть наоборот. С другой стороны — хочешь уходить, собирайся и уходи, а ключи оставь на тумбочке. И хорошо бы денег еще оставить... в виде компенсации. И пол уходящего тут значения не имеет. Так оно и было. И у Лидки тоже.

В конце 90-х мы стали видеться гораздо реже. Факторов, объединявших нас формально, было несколько.

Первый — частная школа, в которой учились моя дочь и Иркины дети. У них были маленькие классы, они дружили всей кучей и постоянно болтались то у нас, то у них, то куда-то вместе ходили. Сопровождала их во всех поездках и экскурсиях Ирка, продолжавшая быть матерью. И продолжала она быть матерью еще пару лет, пока не вернулась на работу в «Мосинжпроект».

Второй — присутствие здесь Лидкиной дочери, к которой приезжала блудная мать: проверять уроки, а заодно и поухаживать за бывшей теперь свекровью, лежавшей уже несколько лет с шейкой бедра. Потому что родни было много, а насчет ухаживать — к Лидии Аркадьевне.

Третьим фактором оказалась учительница английского языка, которую мы давно уже считаем тоже членом нашей странноватой семейки. И появилась Татьяна Михайловна среди нас благодаря моему сыну еще весной 96-го года.

Когда Коле понадобилось сдавать экзамены в гуманитарный класс гимназии, он выяснил, что ни хрена не знает по-английски, хотя честно учит язык с первого класса. У них каждый год возникали новые, экспериментальные программы, отксеренные с каких-то гениальных первоис-

точников. За месяц до экзаменов Коля затребовал себе репетитора, Ирка вспомнила, что у ее знакомой Тани сын ходит к очень хорошему преподавателю... отсюда есть-пошла Татьяна Михайловна.

Где один — там и семеро. Вскоре и остальные начали у нее заниматься — по классическому учебнику для спецшкол и по ее личной методике. Занятия проходили то у нее, то у меня дома. Кто-то дежурный привозил детей на занятия, потом подгребал кто-то другой, приготавлилась жратва, потому что дети без ужина домой бы уже не доехали... и т.д. Мы называли ее Михална. У Михалны как раз незадолго до этого поужезжали в приличные страны друзья и подруги, слегла старенькая мама, сын учился в девятом классе, и она оказалась перед всеми проблемами совершенно одна. Но тут появились мы, налетели клином и не давали ей соскучиться несколько лет. Собственно говоря, она и не сопротивлялась агрессии. Михална была аннексирована нами и не успела даже опомниться... К 98-му году ее территория стала нашей окончательно. Я отчетливо помню два момента, которые означали полную капитуляцию Михалны перед неуправляемым натиском.

Первый эпизод. Весна 97-го

Дочь моя накануне забыла отдать какой-то учебник или словарь и попросила занести его по дороге на работу. Я пришла утром. Если учесть, что с работы я вернулась в пять утра, а к Михалне зашла в девять с копейками, то можно предположить, что первыми моими словами были не:

— Здрасьте! — а:

— Кофе... — и на выдохе, потому что предыдущий вдох был явно последним.

Михална вздрогнула и повела меня пить кофе и разговаривать.

Второй эпизод. Июнь 98-го

Перед дефолтом случилось обострение на рынке рекламно-журнальной продукции, все фирмы судорожно просаживали огромные суммы на полиграфию. Я получила изрядную зарплату. По личной просьбе бухгалтерия оставляла мне пачки мелких денег, которые другим мешали, а мне, наоборот, были крайне удобны для раздачи детям на расходы. Пришла к Михалне за выводком: девчонки перед каникулами сдавали ей экзамены по пройденному за год материалу. Чай выпит, пирожные съедены, дети одеваются.

— Пакет дайте, пожалуйста! — спохватываюсь я в прихожей.

— Большой? Для продуктов или для бумаг?

— Да мне зарплату дали мелкими... Побольше...

— У тебя там двадцать миллионов, что ли?

— Девятнадцать... — я растерянно развожу руками, Михална, не моргнув, выдает пакет для крупных емкостей. Я ссыпаю туда пачки денег и иду пешком домой вместе с выводком. Деньги просвечивают через желтоватый полиэтилен...

И Михална, и ее покойный муж были химики, классическая научная элита, книги на полках стояли почти в точности как у моих родителей. Иногда казалось, что мне опять лет двенадцать и что родители привели меня в какие-то приличные гости. Уж больно все было похоже на то, что я привыкла видеть с детства. Ее строгий и упорядоченный дом стал шумным, тесным и многолюдным, потому что остальные родители приводили своих чад заниматься, раскланивались и быстро уходили, а нас хрен-то выживешь. Мы приваливали всей кучей, пили чай и сплетничали, дети занимались, потом опять пили чай и ели, потом все перекачивались кучей из одного дома в другой...

Михална превратилась в культурно-мозговую центр. Дети росли, начинались проблемы с учебной, переходом из одной школы в другую. Михална видела отстраненным аналитическим оком то, чего не могли заметить насквозь задолбанная жизнью матери. Она вытаскивала изнутри проблему, математически оформляла ее и выдавала прибежавшей матери уже в виде готовой формулировки. Матери вздрагивали, ужасались, задумывались — и заодно заново учились культурно разговаривать и пользоваться ножом и вилок. Мы прибежали к ней в дом — и словно попадали с конюшни в классическую викторианскую усадьбу. Одному Богу известно, как ей удавалось посреди хаоса, который мы генерили на всю округу, сохранять невозмутимость, здравый ум и не путаться в придаточных предложениях... Непобедимая тройка превращалась в более мощное и разнородное соединение.

А потом Танина семья сняла у Михалны квартиру, и незаметно Танька с Костей и всеми домочадцами стали тоже членами разнородной внеплеменной общины. Удивительно, что по прошествии лет община эта не распалась, а становилась более разнородной и захватывала новые территории. Мы могли между собой ссориться, мириться, обижаться и жаловаться друг на друга, но от этого ничего не менялось — надо было отводить детей на всякие занятия, встречать, ездить с ними куда-то... Моя дочь провела не один месяц на даче у Высоцких, Танька плавала с нашими детьми на теплоходе по Волге, брала их в свою очередь к себе на дачу. И трудно найти временной отрезок, в котором бы наше племя было разобщено более чем на несколько недель. В первое десятилетие нас разъединяло только лето. У других были свои дачи, у меня была казенная. А потом и летом все стали перемешиваться и ассимилироваться.

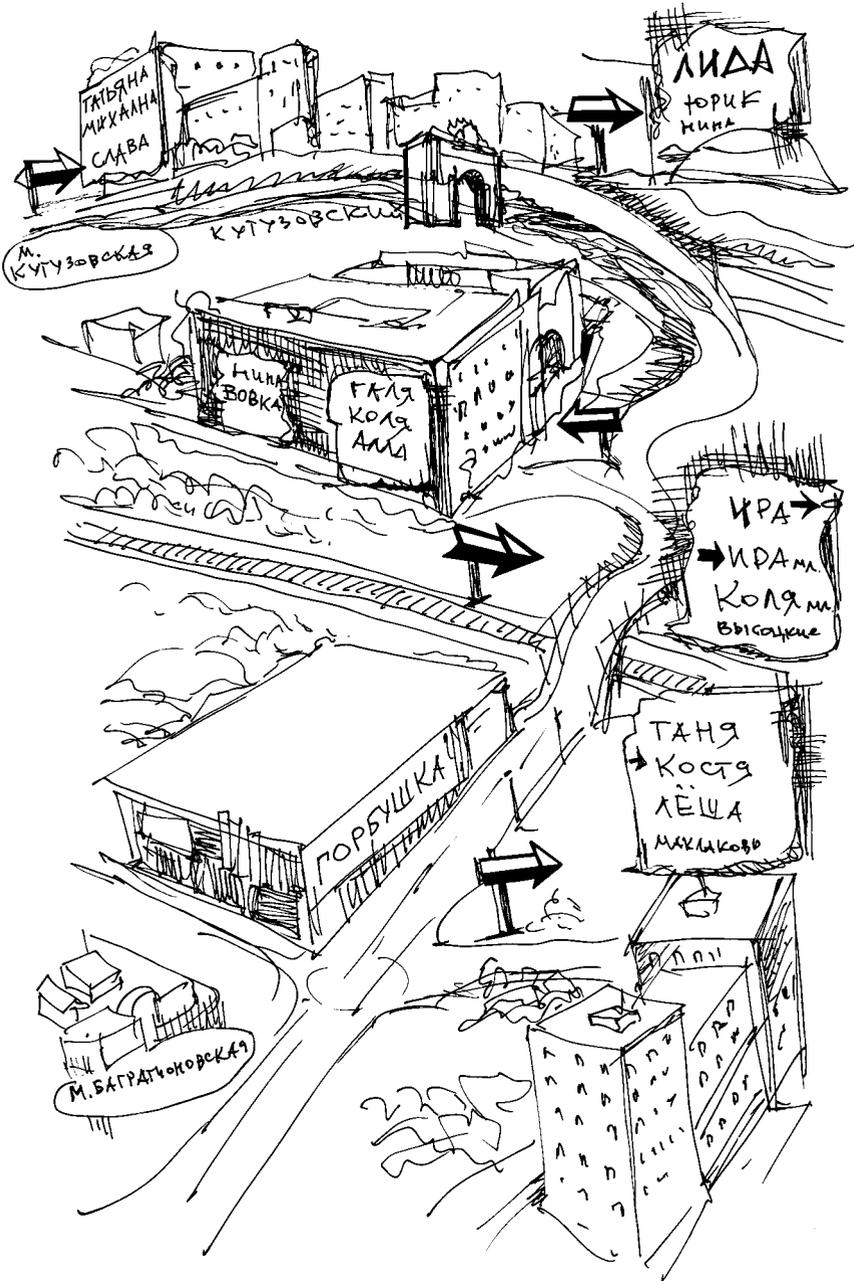
Племенные узы ослабли в последние годы перед поступлением детей. Они уже учились в профильных школах, а мы очертя голову зарабатывали на репетиторов и учебу. Это были нормальные московские дети некогда интеллигентных родителей, учившиеся в очень приличных московских школах, гимназиях и проч. Читавшие книжки. Занимавшиеся всем, чем положено заниматься. И ни один не поступил на бесплатное отделение вуза, хотя все было изучено и за все было заплачено. И ладно. Пока у нас есть руки — мы на учебу заработаем. Собственно, это особо и не обсуждалось никогда. Как говорила Михална, необученные дети дорого обходятся в старости. А еще она иногда говорила, если кто-то ленился выучить задание:

— Тогда замуж и рожать безграмотных детей!
Все обижались и учили...

*В итоге на данный момент
в разряде «Образование
для детей» у нас показатели
следующие:*

- уже есть два высших;
 - в перспективе одна диссертация — не из любви к науке, а от нелюбви к армии;
 - три студента и один абитуриент.
- Все, кроме Коляна—младшего, работают и зарабатывают.

Согласитесь, это не самый плохой результат в командном зачете для трех одиноких теток без малейшей финансовой поддержки. Даже Лидка, у которой формально есть некая разновидность семьи, и та в вопросах учебы детей всегда полагалась только на свои личные заработки.

9. Переходный возраст,

или Рассол в детскую.
2000-...

езаметно для себя самой я уже начала производить некоторые промежуточные подсчеты. «Повесть временных лет» получилась гораздо короче, чем я ожидала. В конечном итоге от двадцати лет жизни — а именно столько исполнится осенью девчонкам и именно столько прошло со дня нашего знакомства — остается короткий пере-

чень дат и людей. Постепенно забывается очень многое. Название «Переходный возраст» относится и к детям, и к нам. Когда у детей заканчивается переходный возраст, у родителей он, как правило, заново начинается.

Переходный возраст ознаменован, во-первых, — и я горжусь авторством — универсальной формулировкой, рекомендованной для запоминания всем родителям:

— Подростки — не люди. Это существа гуманоидного типа.

Во-вторых, бесконечными сменами школ. Выгоняли-с... Рекорд моего сына — шесть двоек в году за девятый класс — никем еще не побит.

В-третьих, существенным увеличением финансовой нагрузки. Расходы росли в нелинейной зависимости от качества получаемого образования.

Мы с Лидкой первыми испытали на себе прелести этого периода. Какое-то время, когда она еще жила здесь и наши мальчики еще учились в близлежащей гимназии, всякий поход на родительское собрание сопровождался валерьянкой и сигаретой до мероприятия и валерьянкой и сигаретой после оногo.

Почему-то запомнилась сцена, когда Лидия Аркадьевна прививала сыну любовь к Гоголю по своему ноу-хау. Утром Андрей заперся в туалете и курил, поскольку там же курил обычно отец семейства и дым можно было списать на родителя. Лидия Аркадьевна металась под дверью, одновременно собираясь на работу, готовя завтрак и вслух читая «Мертвые души».

— «Нет», — сказал Собакевич! — восклицала она с выражением, открывая мне дверь.

Я не нашла ни слушателя, ни собеседника, но быстро сообразила, что к чему.

— А чего? — воскликнула она, уже теперь обращаясь ко мне, — все равно читать не умеет, пусть хоть послушает. Помнишь, Галька, раньше была передача «Театр у микрофона»?

Андрею было некуда деваться, пока не выветрится табачный дым, он сидел в сортире, опаздывал как раз на литературу и слушал...

Эпизодов родительской беспомощности и подросткового крестинизма не счесть. Среди них можно выделить два поступка моего сына — переход государственной границы под Псковом с последующим пребыванием в ближайшей тюрьме и его же поход автостопом в Иркутск.

Я раньше всех приняла на себя удар подросткового аппетита, усугубленный постоянным присутствием в доме рок-группы из Колиных одноклассников. Весь переходный возраст у меня ассоциируется с противными жареных куриных ног, вернее, обглоданных куриных костей, которые я находила вечером. С них начинался день

— ими и заканчивался. «Ножки Буша» нон-стоп. С семи утра до двух ночи.

Иркины дети с рожденья ели плохо, мало и избирательно. Ирка долго не могла понять, сравнивая бюджеты, почему я трачу много денег на еду. Однажды дети занимались английским у нас дома, Ирка позвонила, что задержится. Я больше для порядка спросила младших Высоцких:

— Вы, наверно, суп на ночь есть не будете?

— Будем! — радостно ответили малоежки. — А еще что-нибудь есть, кроме супа? Давайте все!

Холодильник вымели начисто. Пришла Ирка и сказала:

— Теперь я тебя понимаю...

Она шла по нашим с Лидкой следам, поэтому ей оказалось чуть легче. Когда начались конфликты с преподавателями в старших классах, мы осуществляли синхронный перевод:

— Спроси, сколько? — и она не впадала в истерику по поводу своих педагогических недоработок, а действовала по проверенной методике.

Из школы выживают — пойдём в другую. Из другой выперли — пойдём в экстернат. Чем я могу помочь вашей замечательной школе? Сколько скажете, на столько и поможем... А можно сразу деньгами?.. Дайте аттестат, больше нам от вас ничего не надо. Остальное мы как-нибудь сами... Ребенок напился — хорошо, что домой пришел, а не куда-нибудь. В ментовку не попал по дороге — спасибо.

Как говорил в таких случаях один мой коллега:

— Не колетса? Ориентация традиционная? И слава Богу..

Вот так и мы рассуждали в тот отчаянный период.

В целом переходный возраст детей вполне описывается одной универсальной фразой:

— Рассол в детскую!

Ее произнес мой киевский друг Сергей Киселев, когда его пятнадцатилетняя дочь впервые пришла домой навеселе.

К слову пришелся Киселев — мой коллега по «Литературке», собкор означенной газеты в Киеве. Мы задружились с ним на казенных дачах в поселке Шереметьево, где он жил каждое лето со всеми детьми, женами, мамой, кошкой, собакой и проч. и где мне тоже дали комнату с верандой. В первое же лето пребывания в Шереметьеве я немедленно нашла себе эту семью, аналогичную московской общине. Вероятно, привыкла, что должно быть много разных детей, мужей, бабушек и домашних животных, без этого казалось уже скучно и некомфортно.

С тех пор дружили семьями. Когда кончились казенные дачи в Москве, начались казенные дачи в Киеве, куда стала приезжать сначала я, а потом остальные... К Сереге в гости ездили по очереди дети. Лидка с третьим мужем Юрой провели в Киеве в силу обстоятельств много месяцев, и Киселевы давно стали всеобщей киевской родней. Только что мой сын вернулся из Киева, куда ездил на собственной машине, и первой его фразой было:

— У Киселева побывал, отметил, уважение выказал...

То же самое говорила и Лидкина дочь, побывавшая на Украине прошлым летом...

Каким-то непостижимым образом мои проверенные связи и дружбы становились достоянием и собственностью всей общины, а мои друзья — общими друзьями. Нинка занималась французским языком с моей классной руководительницей Валентиной Александровной и с тех пор регулярно ходит к ней в гости — как, собственно, ходит половина моего класса до сих пор.

А всех близлежащих детей школьного возраста мы незаметно отправляли учить английский у Татьяны Михайловны.

В результате племя стало столь обширным, что, например, в свой рядовой день рожденья мой папа приходил с работы и видел уже сидевших там:

- нас, включая детей и домашних животных;
- Михалну;
- пару моих подружек с работы;
- и еще кого-нибудь, например, из одноклассников моего сына.

А потом мог приехать из Киева Киселев и еще пара моих приятелей.

И мой батя честно пил с ними водку до утра... а куда денешься? Ноблесс, как говорится, обличж... Люди группируются по видовым признакам. Мы постепенно сбились в стаю.

Наша стая особая. В ней царит полная демократия. Никто ни от кого ничего не требует. Прошли времена взаимных обид и примирений. Мы встречаемся тогда, когда надо кому-то из нас. Мы не считаем себя друг другу обязанными. Мы уважаем право каждого на суверенитет и на самоопределение. Мы никогда не лезем друг к другу в душу.

Были времена, особенно поначалу, когда мы с изумлением ковырялись в наших душах. Постепенно выяснилось, что мы плачем и смеемся более или менее в одно и то же время. Иначе не смогли бы продержаться столько лет вместе. Бывали и разногласия, и ссоры, и суровые заседания партячеек. Иногда это касалось педагогических проблем, иногда — проблем с личной жизнью. Оргвыводы бывали скорыми и строгими. Рекомендации давались предельно жесткие. И никто никогда их не выполнял...

Но зато мы всегда знали, что если одной из нас вдруг на голову свалится кирпич, две другие придут, накормят детей, позаботятся о родственниках, кошках и собаках, сварят всем суп, дадут всем лекарства, принесут всем денег столько, сколько надо... просто потому, что — как иначе? Мы же — одной крови... «Люди и звери стоят у входа в зоологический сад планет» (Н. Гумилев).

Как бы то ни было, переходный возраст у детей постепенно перевалил свой пик, дети по очереди стали поступать куда-то и учиться. Очень странный период — когда однажды ты возвращаешься с работы домой, а там нет никого: все выросли и ушли по своим делам. Кай и Герда вернулись из страны Снежной Королевы и обнаружили, что выросли... Мы вернулись однажды домой — и поняли, что сами себе предоставлены. У них своя жизнь, мы должны учиться жить заново. Не для них, а для себя. Это самое сложное во втором переходном возрасте.

Надо вспомнить, чего же ты, собственно, хотела раньше, что ты не успела, какие были у тебя мечты двадцать пять лет назад — да как теперь догадаться? И спросить некого... Дом твой становится не слишком шумным, не очень-то людным, ты часто оказываешься наедине с собственными несовершенствами и не знаешь, как выбраться из них.

Понятно, что возраст спаривания и размножения закончен, новых гнезд никто уже не совет, принцы если и придут на выручку, то уже не к нам, а до старости еще вроде далеко. Есть некий отрезок времени, который надо прожить достойно, но непонятно как. И если хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах...

Мы стали общаться реже и менее рьяно. После тотального военного коммунизма, распространявшегося на любые сферы бытия, после шального НЭПа наступил период, когда каждая на время ушла в свою раковину. Это тоже неизбежно. Мы ограничиваемся редкими посиделками на кухне и редкими перезвонами на уровне — все в порядке? Теперь уже мелкие детали быта не имеют решающего значения. Однако, например, свадьба Лидкиной дочери повергла всех в легкий шок. Об этой свадьбе придется рассказать отдельно.

Лидкина страсть к мексиканским сериалам общеизвестна. На свадьбе ее сына были ведущие-профессионалы. Когда предложили выступить отцу жениха, сначала встал первый муж и родной отец, Лидкин однокурсник, потом — второй муж Вовка, а затем — нынешний муж Юрка. Ведущая сбавила обороты. Она никак не могла разобраться в степенях родства.

Когда выходила замуж Нинка, пригласили тех же ведущих. Их ждало продолжение мыльной оперы. Нинка наследует традиции. «Если товар не похож на хозяина — говорят, что он ворованный» (армянская пословица).

Я терпеть не могу свадьбы, юбилеи и прочие шумные мероприятия. Особенно если учесть, что спиртного не употребляю уже много лет. К Нинкиной свадьбе я пришла через кабинет хирурга-стоматолога. Я не могла ничего есть из-за снятых мостов и разрезанной челюсти, давление еле-еле получалось 60 на 20, я даже на работу один день не ходила! И твердо намеревалась на свадьбу тоже не пойти. Но моя дочь вдруг встала в позу патрицианки и принялась вещать:

— Нина беременная! Она тебя ждет! Она говорит, что ты ее вторая мать... что свадьбы без тебя не может быть... Ты что — хочешь беременную огорчить?.. Ты не мать, а ехидна... Волчица ты, тебя я презираю... — и далее из монолога Васисуалия Лоханкина.

Я собрала в кулак остатки воли и поехала. Жевать и глотать я не могла. Но сидела в приличном пиджаке рядом с невестой и ее мужем и пыталась улыбаться окровавленной пастью. Ведущая свадьбы перешла к здравицам, после второго тоста неуверенно произнесла:

— Я не первый год работаю с этой семьей, семья очень необычная... Тут присутствует женщина, которую Нина называет своей второй мамой...

Мыльная опера, серия двести восемьдесят девятая. Я встала и произнесла очень короткий тост. Длинный я просто не смогла бы выговорить. Тост, конечно, был «За санный поезд!». Только память о нем заставила меня встать и пойти на свадьбу. Вовка сидел рядом, мы обнимались и всхлипывали, как будто вместе брали Берлин.

Теперь Нинка живет в своей старой квартире, в соседнем подъезде, гуляет с дочкой в том же дворе, а моя дочь ходит к ней по утрам завтракать и болтать.

Информация по-прежнему передается со скоростью прохождения нервных импульсов в мозгу. Еще не успел кто-нибудь из детей или их родителей что-то сделать, заболеть, помириться, поругаться, провалить экзамен, сдать зачет, устроиться на работу, вылечить придатки, купить машину, разбить машину и проч. — тут же об этом узнают все. А вроде и живут в разных местах, и созваниваются не каждую неделю... Москва — город маленький.

Когда моей дочери и Нинке исполнилось по 18, они велели собрать всех. Они с Нинкой лично готовили стол. Нам с Лидкой с трудом доверили только порезать колбасу под перекрестным огнем справедливой критики. Ирке разрешили нарезать хлеб. После горячего и чая дочери разрешили даже поиграть на гитаре и посмотреть старые фотографии. И торжественно объявили:

— Тетки, этот день рождения мы устроили для вас. Можете опять рассказать друг другу те истории, которые мы больше не можем слышать даже раз в год. Сегодня ваш день.

Мы оценили. И были благодарны.

Если мы собираемся у кого-то на кухне попить кофе — три девицы под окном, — дети очень быстро оттуда

выходят. Нас становится много. Мы ведем себя как старые кошелки — и, наверно, таковыми уже и являемся. Мы жили как умели. Совсем не так, как собирались. Наверно, не очень весело. Наверно, совсем не интересно. Пусть они сделают это лучше нас, и мы будем считать, что жили не напрасно. Главное, чтобы их не засунули в ту же задницу, в которой прошла наша молодость.

Про наше поколение еще в 80-е говорили — потерянное. Нам было едва ли по двадцать лет, а мы уже почему-то считались потерянными. Да кто это нас потерял? Чтобы нас потерять, нужно нечто большее, чем всего-навсего обломки империи...

В 98-м году про нас говорили: «Средний класс уничтожен». Да кто это нас уничтожил, если вот они мы? Чтобы нас уничтожить, нужно нечто посильнее обычных финансовых афер.

Говоря по совести, я не знаю, что нужно против нас выставить, чтобы совсем уж стереть с лица земли. Только время может с нами так обойтись. Но против естественного течения жизни у нас возражений нет. Когда мы начнем мешать, то сами уйдем. А пока мы сидим на кухне, пьем кофе и трещим без умолку. И попробуйте нас отсюда выгнать...

Прошлой весной мы с помпой, в ресторане на Покровке, отмечали Иркин полтинник. (К слову, Лидка потом свой юбилей зажала...) Думаю, они простят мне точное указание возраста, его легко высчитать, да и что уж тут поделывать. Народу набилось много, жарко, шумно, все выходили курить во двор и непрерывно там фотографировались в разнообразных сочетаниях. Когда мы встали рядом посреди двора — больше никто не подошел. Мы сфотографировались втроем — в точности как

пьяная десантура в день ВДВ у нас на Поклонной горе: обнявшись и молча.

Едва начались танцы, мы с Лидкой собрались и поскакали домой. Впереди в майских сумерках маячила сухонькая, чуть ссутуленная, но по-прежнему гордая спина. Это Иркина свекровь уходила по-английски. Восьмидесятилетняя праправнучка Баратынского брела к троллейбусной остановке — никого не обременяя провожением, никому не желая создавать проблем. Мы догнали ее, пошли рядом, чувствуя неловкость.

— Я часто вспоминаю, девочки, — тихо сказала она, — как у вас все было дружно. Как я приезжала туда, на Кутузовский, и вы вместе гуляли, и все делали вместе. Светлый период в жизни, правда?

Она ни словом не обмолвилась ни о сыне, которого уже столько лет нет на этой планете, ни о муже, который равнодушно оставил ее уже в старости. Она смотрела на нас — и один Бог знает, что она видела в тот момент.

— Самый светлый, — ответили мы с Лидкой.

Эпилог

писала эту повесть без сюжета ранней весной. Весна — гнусное время. Раньше мы сжимались в комок в ожидании каких-нибудь инфекционных болезней в саду или неприятностей в школе, потом возникал извечный вопрос — куда девать детей летом, потом наступил тошнотворный период ожидания экзаменов... А еще весна всегда приносит с собой все эти желтые

цветы Маргариты и русские Сто лет одиночества. Поэтому лично я предпочитаю весной писать что-нибудь нетленное, требующее долгого ночного сидения перед монитором.

Моя повесть была начата после злополучной нырялки в Дахабе. Через полтора месяца пришлось запихнуть кое-как зажившую ногу в ласту. На неделю я уезжала на Белое море, чтобы понырять подо льдом еще с четырьмя отморозженными российскими фридайверами*.

Нас возили к местам погружений на «Буране», прицепив к нему несколько больших деревянных саней с людьми и снаряжением. В упряжке получалось по трое санок. Лед в этом году не удался. К концу марта толщина его стала критической. Впереди упряжки восседал лично Ваня Кронберг;

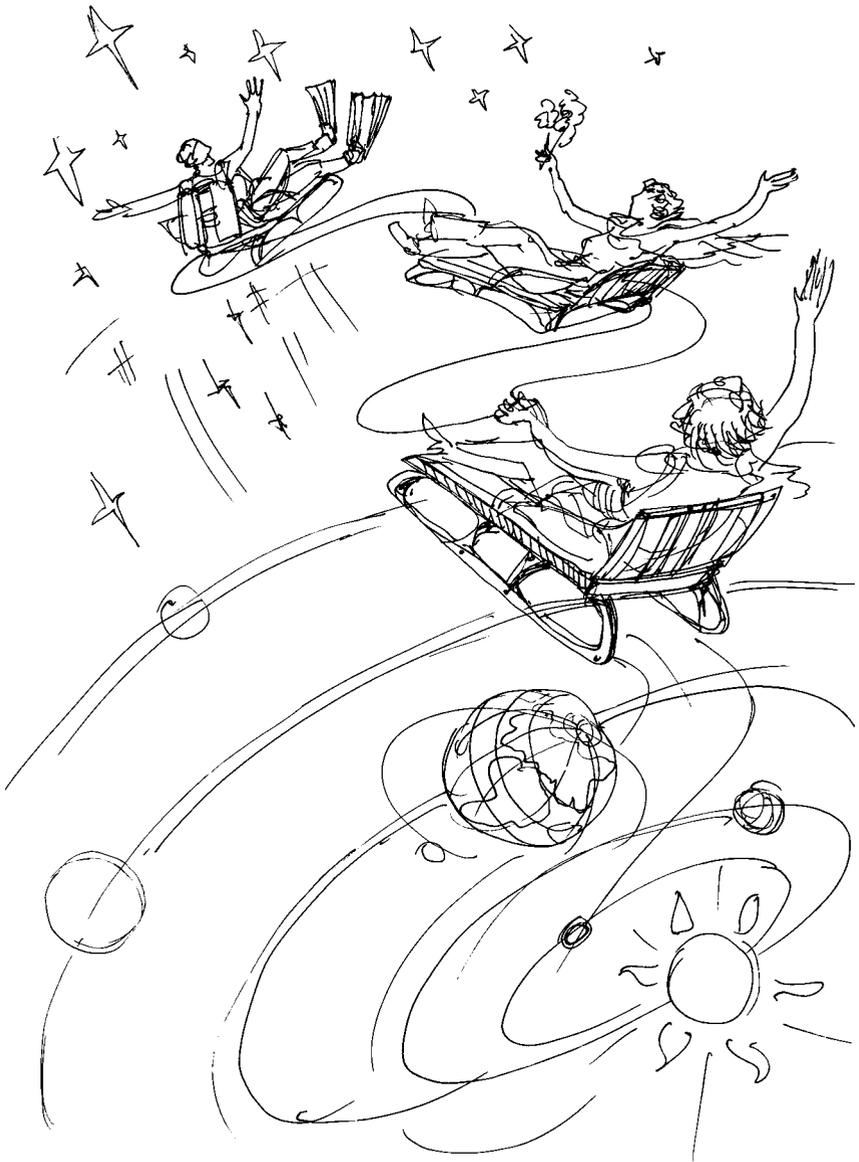
* Фридайвер (freediver) — подводник, ныряющий на задержке дыхания. Команда знаменитой российской ныряльщицы Юлии Петрик в 2005-м и 2006-м гг. осуществляла погружения под лед в Белом море при отрицательной температуре воды, создав новую дисциплину подводного плавания, — ice-freediving. Никто в мире пока этого так и не повторил.

руководитель Полярного дайвцентра, «афганец» и инструктор ВДВ, которому — что водка, что пулемет, лишь бы с ног валило. Поэтому по тонкому льду мы ехали очень быстро, а по подтаявшему льду — еще быстрее. Погода в этот раз была тоже специального назначения: холод, метель и ветер. Мы надевали шапки и капюшоны, лица задраивали горнолыжными очками. Казалось, что меня кто-то везет на санках в детский сад... Санный поезд властно требовал, чтобы я наконец написала о нем.

Каким-то образом этот санный поезд опять оказался в одном ассоциативном ряду с Дахабом. Взрывы террористов-смертников в этом маленьком городке случились в пасхальные каникулы, когда я закончила повесть и начала перечитывать ее в поисках ошибок. Жизнь и смерть ныряльщиков в Дахабе уравнивались раньше между собой, как приливы и отливы. Эта суровая гармония разрушена навсегда тремя взрывами на набережной. За что погибли эти люди? Почему они в апреле, а не я в январе? Логика жизни-смерти безусловно существует, но зовется она божьим промыслом и находится вне человеческих категорий. Чтобы хоть как-то к ней приблизиться, надо, к примеру, однажды не умереть в Дахабе.

Я поняла: раз лично мне дали в Дахабе дополнительное время — его дали не просто так. Я должна закончить начатое. Это мои кусочки общей мозаики. Наверняка Ирка и Лидка будут меня корить, что я не вспомнила об этом и забыла о том. Но любые разрозненные и путанные воспоминания все равно приводят к началу долгого пути. К ветреному двору-колодцу на Кутузовке и трем девицам с колясками под окном. Потому что именно здесь мы встали однажды рядом. Именно от нашего подъезда каждый день отправлялся санный поезд. И если мы однажды все-таки въедем в рай — то только втроем и на санках.

Февраль–июнь 2006 г.

В Г Л А В Н Ы Х Р О Л Я Х :

ВЫСОЦКАЯ ИРИНА РИМОВНА —
инженер-строитель;
заведующая группы проектирования
коллекторов ГУП «Мосинжпроект»

ЛЮБИМОВА ЛИДИЯ АРКАДЬЕВНА —
гинеколог;
врач УЗИ высшей категории

ДИЦМАН ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА —
верстальщик ИД «Коммерсантъ»

ГАЛИНА ДИЦМАН (ГАЛИНА ДИАНОВА©)

Санный поезд,
или
Три девицы под окном

РЕДАКТОР И. Кузнецов

КОРРЕКТОР Е. Вилкова

МАКЕТ, ИЛЛЮСТРАЦИИ, ВЕРСТКА Г. Дицман

Формат А5

Бумага офсетная

Типография ЗАО «Группа МФЦ»

105023, Москва, ул. Буженинова, д. 30

(495) 963 5581

Заказ №117